

Князь Андрей Денисов

ИСТОРИЯ  
О  
ОТЦАХ И СТРАДАЛЬЦАХ  
СОЛОВЕЦКИХ

498

Князь Андрей Денисовъ.

ИСТОРИЯ  
О  
ЦѢХЪ И СТРАДАЛЬЦѢХЪ СОЛОВЕЦКИХЪ,

иже за благочестіе и святыя церковныя законы и преданія  
въ настоящая времена великодушно пострадала.

Издахіе В. Т. Усова.

Печатано въ ограниченномъ количествѣ.



МОСКВА.

—  
1907.

4377

Князь Андрей Дехисовъ.

362  
2008  
Д-3



ИСТОРИЯ  
О  
ОТЦѢХЪ И СТРАДАЛЬЦѢХЪ СОЛОВЕЦКИХЪ,

иже за благочестіе и святыя церковныя законы и преданія  
въ настоящая времена великодушно пострадала.

Издахіе В. Т. Усова.

Печатано въ ограниченномъ количествѣ.



Соловецкий  
музей-заповедник  
Библиотека

№ 77  
МОСКВА.  
—  
1907.

69559  
72

Отъ автора\*).

Аще убо древній творецъ Омиръ, толико тщаніе, толико подвизаніе, толикій трудъ показа, во еже написати Тройска града начало, жительство и разореніе, во еже показати мужы исполины храбрыя, иже за честь отечества даже до смерти подвизашася, колико намъ подобаетъ множайшее тщаніе, вящшій подвигъ, теплѣйшее усердіе явити ко изъявленію не града крѣпка и преславна, стѣнъ твердостію чудима, столповъ высокою удивляема, и мужей добрыхъ множествомъ прославляема, но монастыря свята и пречудна, его же яко начало свято и избранно, тако и конецъ богоугоденъ и предивенъ; въ немъ же мужи чуднаго и высокаго житія, мужи храбраго и крѣпкаго терпѣнія, мужи твердаго и невлаемаго веледушія возсіяша. Не плотскихъ, ниже вещественныхъ сопостатовъ, но невещественныя мысленныя враги храбро и зѣло храбро побѣдившія, иже за отеческія законы, за церковное православіе вдаша плещи своя на раны, хребты на удареніе, уды на раздробленіе, тѣлеса на муки конечнѣ на смерть предавшіяся за безсмертную жизнь. Ельма же мнози толико жаждущіи любожелательно слышати о семъ; толико понуждающіи въ любоснисканія трудъ, елико о количествѣ святыхъ мужей воз-

\*) Сочиненіе это, несомнѣнно, произведеніе князя Андрея Денисова. Не нужно быть тонкимъ знатокомъ старообрядческой литературы, чтобы, прочитавъ „Виноградъ Россійскій“ и настоящую книгу, установить, что авторъ сихъ твореній одинъ и тотъ же.

По простотѣ языка, образному и характерному, по стройному и художественному выраженію, это сочиненіе должно быть отнесено къ разряду изящныхъ произведеній того времени. Замѣтная здѣсь витіеватость ничуть не умаляетъ его достоинства и значенія, ибо она въ то время считалась органической частію сочиненія.

Изд.



сіявшихъ по временомъ во обители, толико и о дивнѣмъ мужествѣ страдавшихъ (за неприяте новостей) изъяснити, благоревностнѣ потщомся въ трудъ собранія.

Не похвалу мужемъ чуднымъ (яже во устѣхъ грѣшныхъ не красна есть) соплетающе, но самыя вещи, самая дѣянія отецъ, яже отъ различныхъ писателей собрахомъ, яже отъ устъ самобывшихъ, во время разоренія обители въ воинствѣ слышахомъ, яже отъ оставшихъ соловецкихъ отецъ извѣстно научихомся, сія боголюбивыхъ ушесемъ представляюще возвѣщаемъ.

И первіе убо о началѣ святыхъ обители, когда созлася, каковыми ктиторами, каковыми законы, каковыми преданіи и благочиніи оградися; таже и о живущихъ въ ней отцѣхъ каковыя святости, елико высокаго житія, якова чуднаго воздержанія бяху. Наконецъ о великодушій страданія, ревности, благочестія, крѣпости, терпѣнія блаженныхъ отецъ во время разоренія бывшихъ и крови своя за благочестіе проліявшихъ, въ семъ собраніи предлагаемъ. Да отъ корене древо, и отъ сего вѣтки, отъ вѣтвей же плоды удобнѣйше обьявятся; и невѣдящій же памятію обновятся, добраго усердія плодъ обьимуть; корысть послушанія въ небѣ воспріимуть.



Монастырь Соловецкій есть киновія (си есть общежителство), собранный отъ стекшихся иноковъ во единоименное и единотрапезное, паче же единомысленное спасительное пребываніе, согражденный виѣ мірскихъ жилищъ, во единомъ отъ морскихъ отбоковъ, Соловки именуемомъ, отъ него же и Соловецкій нарицатися принятъ. Начало житія въ отоцѣ, преподобный отецъ Савватій произведе въ лѣто 6928, при благочестивѣмъ князѣ Василии Васильевичѣ, многа лѣта уединеннымъ житіемъ спасительно безмолвствова. По преставленіи же онаго, преподобный отецъ Зосима обнови жителство отока, и киновію возгради, и братію собора. Чины и уставы и преданія церковная и отеческая къ назданію душъ чловѣческихъ предавъ, спасительное наслѣдіе ученикомъ остави.

И якоже о мѣстоположеніи каковства киновіи и коликовства отстоянія вселенныя, тако о веществѣ зданія и сгромажденія, тако о видѣ благолѣпотства и украшенія и твердости монастыря оставляю писати, яже не токмо россіянномъ самовидѣніемъ присно увѣряема, но и вселенныя исторіографомъ, и гіографомъ на западѣ и востоцѣ пребывающимъ сія весьма извѣстна и во описаніи суть.

Толико же вседобрими законы и пресвѣтлымъ благочестіемъ просія, толико благочиніемъ и преданіемъ уставовъ украсися, яко посредѣ россійскихъ монастырей, свѣтитися яко лунѣ посредѣ звѣздъ. Ибо ученицы преподобнаго, тако сохраняху благочестіе неповредно, законы незыблемы, преданіе неущерблено, яко изначала пріяша, тако отъ преподобнаго отца научишася, ничтоже претворяюще или привносяще и толь твердо сохраниша, яко во время искушенія и кровью сіе запечаташа, еже грядущее явить слово. Жителіе же отока, си есть ученицы преподобныхъ отецъ умножишася зѣло, яко сѣмя Авраамле, ихъ же число до пятисотъ и вящше восхождаше кромѣ бѣльцевъ и искушающихся множайшихъ сущихъ. Отъ благаго бо корене потовъ молитвенныхъ богоносною Зосимы и Савватія отецъ, благій садъ и многоплоденъ

собрания израсте. Добрыя вѣтви святыхъ мужи издаде, не токмо цвѣтами добродѣтелей видимо красящихся, но и плодами благодати Божіа, и царствія небеснаго наслѣдіемъ обогатившіяся; якови быша по преставленіи святыхъ: прежде Іоаннъ и Василій пономарь по смерти своей вкупѣ съ преподобными людьми чудеснѣ являющіися. Таже Іоаннъ и Логинъ бывшая киновіи служебника, нынѣ же новоявленная ярейская вседивная чудотворца. Филиппъ святой вторый, киновіи и многотщательный ктиторъ и всероссійскій чудотворецъ и архіерей. Іаковъ игумень и многотрудный чуднаго стѣнозданія соградитель. Преподобный Принархъ игумень и дивный пустынножитель. Преподобный Діодоръ трудникъ и общежитель Соловецкіа киновіи, таже и пустынножитель и отшельникъ чудный, иже послѣде Юрьегорскій возградивый монастырь, и въ немъ отъ здѣшнихъ къ Богу свято преселивыйся. Преподобный и дивный пустынножитель Андрей, бывый трудникъ соловецкій, иже поживе пятьдесятъ и осемь лѣтъ пустынноудиненіемъ, Господеви, работавъ, вышеестественныя благодати сподобися.

Къ симъ и прочіи безчисленніи общежителі велиціи постницы и пустынніи безмолвницы Соловецкаго отока, яко пресвѣтлыя звѣзды просіяша. О нихъ же книга житія преподобною отцу, и житіе Филиппа митрополита и житіе преподобнаго Діодора начальника Юрьегорскаго являютъ. Въ конечная времена, израстшія отрасли соловецкихъ чудотворцевъ сада, преподобный и духоносный Елеазаръ, чудотворецъ Анзерскій, соградивый скитъ и жительство въ немъ составивъ. Иже чистаго ради житія пророческими обогатися, о Никонѣ патріарсѣ, и началоводительствѣ новостей (въ послушаніи у него пребывающемъ) прорече: „яко великое зло Россія себѣ сего израсти“. Видѣ святой единою служащу литургію Никону, яко достовѣрніи анзержителіе рекоша, змія черна и зѣло велика около выи его оплетшася, и вельми ужасеся. Отъ тогда возненавидѣвъ его, сотвори ему бѣжати. Ілія святой, и первый архимандритъ, мужъ великаго воздержанія, иже толикое воздержаніе стяжа, яко единъ хлѣбъ съ водою ядше, да непознанъ будетъ не ядый варенія, воду теплую за трапезою ядше. Іоаннъ юродивый, въ человѣчествѣ буйствѣ, небесною мудростію обогативыйся: „иже смерти своей день предвѣдый, ходя во обители по многи дни, гласомъ велимъ зваше: кто ми будетъ спутникъ до Іеросалима? и никтоже глаголемыхъ разумѣти можаше. Въ вечеръ же конечныя ноци, прииде къ единому отъ усмарей, его же друга себѣ имяше, глаголя: „друзе,

гряди со мною до Филиппова кладязя, яко дивну вещь имамъ ти явити“. Оному же глубоконошіемъ отрицающуся, во утріе ити обѣщавшуся, отъиде; утру же бывшу, усмарь видѣвъ онаго, текъ къ Филиппову кладязю обрѣте того о Господѣ скончавшася и всѣмъ повѣда. Тогда разумѣша вси, яко въ небесный Іеросалимъ блаженный спутника себѣ зваше. Гурій блаженный инокъ, иже благоюродствомъ житія, великихъ чудодѣлій изводитель показася, иже въ хлѣбницѣ жительствуя, и въ хлѣбопекарную печь по извлеченіи хлѣбовъ въ нестерпимый зной вхождаше, и устіе затворивъ печи, яко въ прохладѣ нѣкоемъ стояше, поклоны и молитвы Богови приношая. Сей о приѣздѣ Никона (патріарха) помощи святаго Филиппа напредъ прорече. Сей блаженный отцу Игнатію (идѣже срѣташе) присно глаголаше: „Игнатіе, изыди отъ монастыря сего, ибо свой монастырь равный собереші“. Кое слово блаженнаго, послѣде дѣло явися: егда Игнатій въ Пальеостровскомъ монастырѣ за благочестіе со двѣма тысящема и седми стами народа отъ нашедшихъ воиновъ огнемъ скончася. Іоаннъ нарицаемый похабный, иже блаженнымъ похабствомъ благодати предзрѣти будущая сподобися. Сей въ Соловецтѣй киновіи пребывая (еще миру сущу глубоко) ходя во обители вопіаше: бѣжимъ отсюда, яко иноземцы грядуть ко обители. И нѣкому отъ мореплавателей приѣхавшу во обитель, Амосу именемъ, моляшеся взяти съ собою на брегъ; тому же вопрошающу: „почто?“ рече, яко иноземцы будутъ разоряти обитель. Взавъ же его на ладію, и особъ вопросивъ блаженнаго о семъ, услыша, яко цареву воинство приидетъ и разоритъ обитель и обычаи и законы монастырскія измѣнятся. На брегъ же приѣхавъ живяше въ вѣсѣхъ, приморія Кангалакши и прочихъ.

Нѣкогда ходящу ему и обычнѣ юродствующу, мужъ піяный отъ ту сущихъ, діаволомъ наущенъ, наскочивъ на блаженнаго и ударивъ о землю бо его даже до полумертвіа. Іоаннъ же мало полежавъ воста, и позрѣвъ на убійцу, рече ему: „кій прибытокъ получилъ еси, се вскорѣ отъ псовъ растерзанъ будеши, и ниже слѣда костей твоихъ обрящется“. Слово блаженнаго, дѣло абіе бываетъ. Помалѣ грядущу тому въ вѣсѣхъ нѣкую нападше на него пси всего растерзаша, и ниже костей его оставиша, по глаголу блаженнаго. И по неже во вѣсѣхъ странахъ Поморія хождаше даже и до града Архангельскаго, и древлецерковныя благочестія уставы гласомъ свободнымъ возвѣщаше, ятъ бысть и свезенъ на Холмогоры. И по многихъ истязаніихъ и по различныхъ мученіихъ и ранахъ непреложное

права блаженнаго разумѣвше мучители даша отвѣтъ на сожженіе. Ведому блаженному на смерть весь народъ стечеса на позоръ, яко и самому воеводѣ пріѣхати, имущу на рукахъ младенищаго дѣтища. И егда въ срубъ спустиша его, ста на востокъ моляшеса. Объявшу огню срубъ и опалившу страдальца паде на землю. Тогда младенецъ воеводы возопи, перстомъ указуя: „отче, отче, се Іоаннъ на высоту пойде; се на небо восходитъ“. Сія отъ народа мнози близостоящія, слышавше, прославиша Бога, маловременными мученія скорбми на вѣчную небесе славу своя рабы возводяща.

Подвижницы же и молитвенницы, яко во отходнѣй пустыни отока, тако и во обители зѣло велицы быша живуще не токмо и сперва, но и предъ самѣмъ временемъ искушенія. Таковъ быше братъ оный, иже скончаваяся, отцу духовному исповѣда, яко келейнаго правила впредъ на тридесятное время наполни. Таковъ быше діаконъ оный, его же ногамъ отъ многостоянія опухшимъ ниже мало радяше. По случаю же нѣкогда идый на пѣніе сапогу его прогрязшу сквозѣ мостъ, извлекъ сапогъ и вложивъ въ него ногу, паки на пѣніе съ радостію аки ничтоже пострадавъ течаше.

Мнози въ нихъ и святыхъ писаній опасніи вѣдательіе, мнози и въ разсужденіяхъ благоискусніи смотрители быша и толико мнози, яко обители оныя правленію своими настоятелями довлѣющей, и не токмо обители, но и на высочайшія архіерейскія престолы отцы соловецкіи избираеми бяху.

Мнози и словесныя мудрости наказанія причастницы отъ сочиненныхъ ими повѣстей показываются. Отъ сихъ есть и Герасимъ Фирсовъ, мужъ довольнаго ученія, иже (во время Никона патріарха новопреданій) слово о крестномъ знаменіи еже на лицахъ сочинивъ добрѣйшее мудрости своея изображеніе по себѣ остави. Отъ сего вышеозначенный Игнатій, мудрости воду яко губа почерпе; иже вся Олонецкія и Каргопольскія страны во православія догматѣхъ стояти утверди, и непроходимыя пустынные дебри благочестивыми насади жителями. Таково быше преподобныхъ отецъ сажденіе, таковой многоблагоплодный садъ, таковое благорасленное древо при водахъ Божіихъ законовъ насажденное. Тѣмъ же и листъ его во время великобурнаго искушенія не отпаде, но зрѣлыя плоды и цѣлы благосадителю воспослашася. Какоже воспослашася? послушайте! Егда убо древле прореченное время приспѣваше, абіе Никонъ въ патріаршескія двory вхождаше. Тогда пророчество вышеявленнаго Елеазара сбывашеса, яко Никонъ патріаршескими одеждами обла-

гашеса, иже пріимъ высочайшій престолъ, великаго смущенія и мятежа церковь, великихъ озлобленій и бѣдъ люди великаго труса и колебанія всю Россію исполни. Непоколебимыя церковныя предѣлы поколебавъ, недвижимыя благочестія уставы подвигнувъ, соборныя святыхъ отецъ клятвы прерва, и яже въ сокровищи сердца возымѣ, сія и въ церковь непреподобнѣ внести умысли: еже тремъ знаменатися перстами, еже пятьма благословляти, еже крестомъ двочастнымъ просфиры печатати, еже аллилуія трегубити во псалмоглаголаніи, еже колѣнопреклонѣній во святыхъ посты въ церкви не творити, еже на колѣнахъ стоящимъ въ прежесвященнѣй и въ вечеръ 50-ный молитися и прочая безчисленная чиновъ же и уставовъ премѣненія. Увѣщавъ царя и синклитъ, и собра вся архіереи на соборъ, овья ласканіемъ, овья лестію, овья царскимъ страхомъ къ своему намѣренію привлече. Непокорившіяся же узами, темницами, ранами и заточеніями озлобивъ, горчайшими смертми настоящаго житія лиши. И повелѣ печатати книги съ вышеозначенными нововнесеніи, и тыя всюду по странамъ Россійскія державы разсылати, и всякую службу молитвословія по онымъ совершати. Кіимъ повсюду разсылаемымъ во вся митрополіи грады, страны, монастыри, села и веси и во всѣхъ епархіяхъ каждому священнику раздаваемымъ. Никто же обрѣтеса противу стоящъ, никто же оная новшества возражающъ; ни единъ отъ великихъ монастырей и градовъ мало постоя страху царскаго указа, вся поколеблющу (кромѣ Павла добляго епископа Коломенскаго, и великоревностнаго протопопа Аввакума, въ самое первособорія время сія возразившихъ и прочихъ малыхъ), но вси книги новопечатныя и не хотяще, пріяша и службу по онымъ новодѣйствующе совершаху. Дошедшимъ же царскимъ и патріаршимъ письменомъ, и въ Соловецкую преподобныхъ отецъ обитель вкупѣ и съ новопечатными книгами. Отцы оная вси совѣтъ сотворше, не хотѣша сихъ отнюдь пріяти, но отвѣтъ посланнымъ давшимъ вспявъ возвратити. Предназначенный же Ілія архимандритъ, мужъ добраго разсужденія, рече къ нимъ: отцы и братія, совѣтъ мой благоугоденъ вамъ да будетъ. Книги посланныя отъ патріарха пріимемъ, во еже небезсловесно гнѣвъ на ся воспалити. Разсмотрѣвше же оныхъ несогласіе и противность къ Божіемъ закономъ, вину благословну возымѣемъ стоянія нашего. Совѣтомъ же архимандрита пріявше оныя; дадоша вѣдущимъ разсмотрѣти новины, никакоже по нихъ службы совершающе. Архимандриту же Ілію отъ вещественныхъ къ невеще-

ственнымъ отшедшу. Въмѣсто его поставленъ бысть архимандритъ Варѳоломей. И понеже Соловецкаго монастыря слава, елико во общежительныхъ преданіяхъ, толико и о церковныхъ благочестія уставѣхъ опасное храненіе во вся Россійскія концы пролеташе, и многимъ отсюду инокомъ же и міряномъ стекающимся во обитель, Никаноръ, архимандритъ Саввина монастыря, желаніемъ безмолвнаго отишія объять бысть, мужъ сый духовнаго разсужденія и духовникъ царевъ, въ монастырь пріиде и знакома рукама пріять бывъ, со отцы прочее ту живяше.

Слуху же о твердости благочестія отецъ соловецкихъ простирающуся, дойде и до патріаршаго намѣстника и прочихъ архіереовъ, по Никонѣ защищеніе новинъ на ся пріемшихъ. Сіи же языки поостривше неправедно на праведныя, возжигаютъ гнѣвъ, воспаляютъ ярость самодержца; и посылаетъ указъ, еже взяти архимандрита соловецкаго къ Москвѣ. Отцы же соловецкіи совѣтъ общесоборнѣ сотворше, написаша къ царю молятельное прошеніе, въ немъ же моляху самодержца да ослабитъ имъ по отеческимъ уставомъ во отечествѣмъ стяжаніи жити. Во утверженіе пишемыхъ привождуху свидѣтельства, яко старопечатныхъ московскихъ и бѣлороссійскихъ книгъ, тако старописменныхъ и харатейныхъ, тако сербскихъ и острожскихъ привождуху, тако святыхъ россійскихъ архіереовъ соборнѣ и особнѣ писаніемъ своеручно тая утверждавшихъ, яко греческихъ святыхъ учителей сія засвидѣтельствовавшихъ. Привождуху преподобныхъ чудотворцевъ, сиче соловецкихъ, якоже и прочихъ россійскихъ во своихъ обителяхъ таже и согласная предавшихъ и непремѣнно хранить повелѣвшихъ. Привождуху повсемѣстный Россійскія церкви благолѣпный обычай, яко отъ грекъ при Владимирѣ пріися, тако до настоящаго времени непоколебимо соблюдеся, еже и святыхъ образовъ греческаго живописательства объявляется, тья недвижимыя уставы непремѣнныя святыхъ обычаи моляху, просяху, увѣщаваху самодержца, да подасть имъ неизмѣнно хранить. Новоустановленныхъ же Никономъ преданій (извѣщаваху предъ Богомъ, яко) никогдаже смѣютъ пріяти, за еже не подпасти подъ отеческія клятвы. Аще и гнѣвъ царевъ зѣльно разжжется на ня, готови не токмо нужды и скорби радостнѣ терпѣти, но и кроволіяніемъ и главоположеніемъ своимъ, святыхъ отецъ печатати уставы. Сичевымъ молятельнымъ прошеніемъ, съ такою челобитною, послаша къ царю соборнаго старца Александра Стукалова; еще же умоляша Никанора архимандрита и духовника царева, съ Варѳоло-

мѣемъ архимандритомъ соловецкимъ ѣхати къ Москвѣ: во еже утолити гнѣвъ царскій воспаленный на обитель. И уприсиша жителемъ ея въ древлецерковныхъ уставѣхъ стояти, иже и общася всеревностно о благочестіи трудитися.

Пріѣхавшима же архимандритома къ Москвѣ, и къ самодержцу представшима егда и соловецкихъ инокъ прошенію государю подадеса. Иже прочеть, ниже прія его, ниже ослабити восхотѣ отцемъ, по древлецерковнымъ уставомъ жити. Архимандритъ Никаноръ, аще и много царя увѣщаваше о навращеніи древняго благочестія, паче же о Соловецтѣй обители, обаче ничтоже успѣваше, но гнѣвъ царевъ наипаче распалашеся. Тогда и вселенскимъ патріархомъ къ Москвѣ прибывшимъ, и собору архіереовъ собрану, царь представи Никанора патріархомъ и собору, и многими ласканьми, и увѣщаньми, и страхомъ понуди покоритися воли ихъ, и клобукъ греческій рогатый на главу ему возложша.

Посемъ царь и патріархъ, посласта въ Соловецкій монастырь, три архимандриты, Варѳоломея, Іосифа и Никанора по прошенію его, во еже увѣщавати соловецкія отцы къ покоренію патріарха, и пріятію новопечатныхъ книгъ. Варѳоломея убо монастырь отдавати, архимандриту Іосифу новопоставленному, прежде бывшему строителю соловецкому иже на Москвѣ. Никаноръ же испросився увѣщати отцы соловецкія, вещь же самую къ покаянію обратитися за преступленіе. И егда архимандрити пріѣхаша въ киновію, отцы соловецкіи срѣтоша честно, яко подобаетъ; и вину увѣдавше чесого ради пріѣхаша, си есть увѣщанію къ пріятію новопечатныхъ книгъ, всесоборнѣ онымъ отказавше. Умрети желательно извѣствующее, неже измѣнити отеческихъ преданій, отслаша я бездѣльны. Никаноръ же елико къ преступленію яко человекъ ослабѣвъ низведеса, толико тепльше на покаянія навратився притече, толико смиренное прощеніе отцемъ киновіи принесъ, паки съ любовію пріися. Симъ тако бывшимъ, и архимандритома къ пославшимъ возвратившимася, и Никанору въ киновіи оставшу. Пріиде отъ царя указъ въ киновію, Никанора зовуще къ Москвѣ. Но соловецкіи отцы, якоже онъ не восхотѣ ѣхати, тако и сіи посланному его не выдаша. Сами же между собою всесоборнѣ совѣтовавше, пославша къ Москвѣ соборнаго старца предпомянутаго Герасима Фирсова, мужа яко святыхъ писаній, тако и во внѣшнемъ наказаніи зѣло искусна суца. Послаша мужа такового, молити и увѣщавати самодержца, да ослабитъ стяжанію преподобныхъ отецъ,



во преданіи ихъ неизмѣннѣ жити и скончати. Его же власти духовній до самодержца не допустиша, но на пути (якоже извѣстнѣ глаголють) яко Филиппа задушиша, и прежде царя земнаго, къ небесному отслаша, за его же церковь толикій и таковый подвигъ даже до смерти показа.

Царь же отъ патріарха и прочихъ увѣщанный не ослабляше инокомъ соловецкимъ во древнихъ уставоположеніихъ жити. Тѣмъ и часто посылалъ нѣкія духовныхъ властей во еже преклонити и покоритися того воли. Иже пріѣзжающе, различнѣ оныя увѣщаваху моленіемъ, ласканіемъ и прещеніемъ убѣждаху пріяти новыя книги. Мнози же и отъ новгородскаго митрополита послахуся на увѣщеніе Соловецкія киновіи отецъ. Но тѣи тверди въ древлецерковнѣмъ благочестіи, яко адаманти стояху къ преждеявленнымъ увѣщаніемъ, яко столпи къ вѣтру обрѣтошася; тако дѣломъ восхотѣша исполнити яко словомъ самодержцу въ прошеніи назнаменаша: лучше возжелаша смерть о благочестіи вкусити неже что отъ ново-преданій пріяти. Елма же иже мниміи духовній, духа кротости неимушии, иже освященныя руки кровью неповинныхъ осквернити желающіи, гнѣвъ самодержца возбудиша и зѣльно возжегше на ярость подвигоша, еже мучительными руками мѣсто святое озлобити. И посла воеводу Игнатія Волохова со единымъ стомъ воиновъ вооруженныхъ въ киновію Соловецкую, да страхомъ оружія всѣхъ предклонитъ воли царя и патріарха. И предзнаменнаго Іосифа архимандрита на свою степень возведеть. Отсюда отцемъ соловецкимъ подвигъ великаго натриженія надста; и едино отъ двоихъ предлагаемо бѣ: или покоршася новоустановленнымъ преданіямъ, привременныя сладости житіе, — или стоящимъ во древлецерковнѣмъ благочестіи, смерть горчайшая обѣтовашася. Тѣмъ и собирають вся, яже во обители люди, аще иноки, аще бѣльцы въ соборную келлію, и предлагающе имъ царевъ гнѣвъ и посланнаго воинства прибытіе на разореніе киновіи, совѣтують крѣпкодушнымъ мужемъ, желающимъ настоящія смерти горестію будущихъ святымъ сладостей получитьи, во обители пребывати совѣтують; немощнымъ и страшливымъ сердцами къ брани, и желающимъ остатися, на брегъ морской отѣхати. Сему совѣту во уши всѣхъ братій возвѣстившася, мали нѣщии отъ инокъ и бѣльцевъ, на брегъ ити восхотѣша. Прочіи же вси уготовишася на смерть за древлецерковныя законы, ихъ же число до тысящи и пятихъ сотъ восхождаше. И пріѣхавшему воеводѣ Волохову отвѣтствоваша: яко аще и тмами лютая постраждутъ,

обаче древнихъ благочестія законовъ отрещися не могутъ. И тако затворишася въ монастырѣ, въ лѣто 7178.

Воевода же оный съ воинствомъ стояху подъ монастыремъ четьре кругообращенія: весною подъ монастырѣ пріѣзжающе чрезъ все лѣто во островѣ Заяцкомъ пребываху различныя озлобленія киновіи творяще. Во осень паки на брегъ въ Сумскій острогъ возвращахуся, веліе утѣшеніе, и нужду, веліе насиліе и скорбь монастырю сотвориша отсюда. Не токмо изъ монастыря исходити не дающе, но и многи служебныя старцы и слуги хватати воинномъ приказа и различно мучивъ смерти предаше. Яко и блаженнаго онаго Іоанна Захаріева, бывшаго писаря соловецкаго, таже пустынножителя и ученика дивнаго отца Пимена, зѣльными озлобивъ, смерти предаде. Коего страданіе бѣ сице: нѣкіи поселянинъ о живущихъ въ пустыни христіанѣхъ донесе воеводѣ, воевода же въ пустыню на взысканіе посла воины, воины же шедше, обрѣтоша отца Пимена, ученика его Григорія и сего блаженнаго Іоанна, и связавше привелоша я къ воеводѣ въ Сумскій острогъ. И яко привелоша воевода прежде увѣщаніемъ многимъ, ласканіемъ, обѣщаніемъ честей и богатствъ, таже гроженіемъ и прещеніемъ мученій оныя отъ высоты благочестія низвести потщався, ничтоже успѣ, и ниже въ малѣ возмогъ твердости ума ихъ поколебати, разгнѣвався повелѣ посадити въ темницу, въ ней же пребыша годишное время, дручими голодомъ и жаждою, и прочими темничными озлобленіями. Во оно же время и славніи въ терпѣніи страданія старцы Сила и Алексій, въ Кандалашстѣмъ монастырѣ заточеніе за древлецерковное благочестіе терпяху, къ нимъ же и вся страна Поморія стицахуся о благочестія вопрошеніихъ. Къ симъ и блаженный Іоаннъ отъ темницы посланіе посылаетъ, въ коемъ древняго благочестія уставы похваляетъ, новопреданная же уставленія укоряетъ. Сіе посланіе, егда погрѣшеніемъ носящаго оброненное найдется, и донесено бысть въ руцѣ воеводы. Иже зѣло разгнѣвася, и отъ самодержца чрезъ писаніе власть пріемъ, муками его истязати, кінхъ умышленій на немъ не показаша, кінхъ прегорчайшихъ мученій, на того хребтѣ не коваша! Прежде бо въ пытки тряскою руцѣ его сломи, таже бичемъ тѣло его зѣло израни, посемъ израненное оно тѣло на огонь бросивъ яко камень жеци повелѣ; и ниже тако умилосердися, но и отъ сожженнаго только тѣла, ребра клещами разжженными извлачити повелѣ; и ниже здѣ насытився ослаби, но и главы его темя остригъ, воду студенѣйшую (на не) многъ часъ лти повелѣ

(страдалецъ же яко страдалецъ, два пощеденства, неослабными мученіи напрягаемъ, страдальчески вся и добльственно и благодарно терпяше). Конечно мучай видѣвъ свое изнеможеніе, повелѣ честную главу страдальца мечемъ посѣщи въ субботу по пятидесятницы, въ небесное субботство страстотерица главоусѣченіемъ препославъ, и ниже на мертвое тѣло блаженнаго немилостивый умилосердися. Егда бо боголюбивіи гробъ ему содѣлаша, погребальная уготоваша, пенязи собраша, и вкону Богоматере принесоша, воиномъ сія вся ограбити повелѣ. Страдальца же тѣло рогозомъ обвивше, и въ землю честнаго безчестно закопавше, погребоша. Сей первый плодъ и добрѣйшии, или истѣе рещи, гроздъ сладчайшій, соловецкаго преподобныхъ отецъ всесладчайшаго винограда, въ точилѣ мученіи изгнеться на божественную вечерю къ всѣхъ царю и Богу принесеса! Отца же Пимена егда воевода на испытаніе мученій привести повелѣ воиномъ, и егда совлекоша его, видѣ вериги тяжки на тѣлеси его. Устыдѣвся сихъ мучитель, Богу тако извольшу, повелѣ паки въ темницу всадити, и многое время сѣдѣвша со ученикомъ, отпущена быста паки въ пустыню преподобника. Немного преиде по смерти предъявленнаго страдальца, отъ изшедшихъ Соловецкаго монастыря отецъ, Димитрій и Тихонъ, съ нима же и бѣлецъ Іовъ поимани бывше и во мрачнѣйшей темницѣ затворени, голодомъ, жаждою, студенью, наготою, веригами, узами и прочими различными озлобленіи удручени, къ свѣтлости будущаго царствія преселишася, и близъ онаго погребени быша.

Но отонуду же изшедше, слово паки (си естъ къ повѣсти) о Соловецкой обители возвратимъ. Воевода оный Волоховъ, три или четыре неполная годишная времена пребывъ въ Сумстѣмъ острожѣ, наѣздами лѣтодневными святую озлобляя обитель и ничтоже успѣвъ, царскимъ указомъ къ царствующему Москвѣ граду взять бысть. Въмѣсто же онаго отъ самодержца посланъ бысть полковникъ съ тысящею воиновъ, еже разорити святую киновію, ему же имя Климентъ Іевлевъ, человекъ лютый и немилостивый. Иже пришедъ ко обители, зѣльнѣйшую тѣсноту, горчайшую нужду, множайшія пакости святому мѣсту сотвори. Кони бо и волы монастырскія, яже имаху во островъ за воженіе древесъ, и прочихъ братскихъ нуждъ, во дворѣ на то устроенимъ, вся загнавъ во дворъ, вся безъ остатка сожже вкупе и съ келліею. Къ симъ и келліи служебныя окрестъ обители, яже на островъ создани бяху, во упокоеніе труждающихся служебниковъ. Тако и ловецкія келліи

и хитрости: сѣти, мрежи и неводы со орудіями ихъ, вся неблагоій онъ безчеловѣчно сожже. Но и мзду за сіе отъ Бога немедленно прія, пораженъ бысть язвою согнтія и червемъ воскипѣніемъ, и въ сихъ болѣзненно страдаше. Тѣмъ и указомъ царскимъ взяся къ Москвѣ, и тамо злый погипе, въ той язвѣ и живота лишися, подъ монастыремъ стоявъ два года.

Сему убо злѣ скончавшуся, въ него мѣсто царевымъ повелѣніемъ посланъ бысть Іоаннъ Мещериновъ лютшій мучитель, и съ нимъ воиновъ тысяща триста. Иже пришедъ подъ киновію со многими стѣннобитными хитростями, всяку кознь, всяко умышленіе къ разоренію киновіи чрезъ два лѣта показа. Въ лѣтнее время стоя, въ зимѣ же отъѣзжая на берегъ, но ничтоже успѣ. Сущи же во обители отцы, видяще себе таковыми напастями и толикими окружены, видяще самодержца отъ архіереовъ на гнѣвъ ярости весьма воспалена, и помощи и милости человѣческія весьма отчаявшеся, къ единому Владыцѣ всѣхъ и Богу прибѣгаху, къ Пречистѣй Владычицѣ и Богородицѣ прибѣгаху, къ преподобнымъ отецъ Зосимъ и Савватию прибѣгаху, съ горькими слезами и воплемъ помощи и заступленія просяху. Къ ратнымъ же толико противу стояху, во еже не дати дерзновенія внити въ ограду монастыря. Больше же молитвами и слезами и днеочными благосостояніи противу вооружахуся; и молитвенными противу стрѣляху стрѣлами, и по два молебна на коеждо пощеденствіе пѣти уложиша, яко да Господь Богъ отъ нихъ умилосердився благовольтъ не предати въ руки ратныхъ, но своими щедротами незаблудное спасеніе просящимъ устроить.

Премилостивый же Господь близъ всѣмъ призывающимъ и во истинну, посла на ня моръ великій, знаменьями язвъ являемый, прежде тріехъ или четырехъ дней смерти, въ неже время язвеніи во иночество постригахуся, и святую схиму принимаху, и поканіемъ души своя очищаху, и напутника святое тѣло и кровь Христа Бога приимлюще, ко Господу отхождаше. И таковыми язвами таковою христіанскою смертію мнози скончавшеся яко до седмихъ сотъ преставишася.

Предреченный же воевода Мещериновъ и воины его, окрестъ святая обители стояще стрѣляюще во обитель не почиваху. Овогда изъ пушекъ, овогда изъ пищалей. Но молитвами преподобныхъ отецъ ограждающихъ обитель, ратнии ничтоже успѣваху, аще и много труждахуся. И нѣкогда направивше пушку (о дерзости безумія) во олтарь соборныя церкви стрѣлиша. И лѣтѣвъ ядро оно

улучи во окно, удари (твоего терпѣнія Христе!) во образъ Все-милостиваго Спаса, иже во олтарѣ стояше. До толика беззаконія безумныхъ безумная дерзость занесе! И понеже два лѣта воинство ко обители приѣзжающе всякими хитростями, всякими градоємства кознствующе озлобити оныя не возмогоша. Въ третіе лѣто воевода повелѣ всему воинству на островѣ озимѣти, конечную тѣсноту киновіи отцемъ содѣла; различная градоємная орудія на разореніе обители уготовавъ. Повелѣ хитрецемъ три великія гранатныя пушки отъ древа содѣлати, по множеству порохоначиненныхъ желѣзныхъ ядръ вмѣщающія: ова бо изъ нихъ 160 ядръ, ова же 260, ова же 360 ядръ вмѣщающе бѣша. Сдѣланнымъ же онымъ, приказа начиненныя толичествомъ ядръ, на обитель пуцати; удобно вознепщевавъ сими яже во обители строенія и живущія въ нихъ испаливъ развѣяти, якоже бо летяще, огня палежемъ приближающіяся опаляху, тако разрываеми чрепами безмилостиво сокрушахуся и смерти предаху.

Но елико тѣя яростными устремленіи, на разореніе святаго подвизахуся мѣста, толико Божіе милосердіе преподобною чудотворцу молитвами покрываша обитель, суетно тѣхъ показуя ухищренія. Егда бо пустиша стрѣльбою первую начиненную кознь на обитель, погрѣшивше надежды, ничтоже успѣша; возшедши бо на высоту пуценое, и не дошедши обители у стѣнъ градныхъ разорвася. По семь пустиша второе, преизлишне наполнивше порохомъ: но и тое, распальшеся зѣло, и огнемъ лютости и скоростію духа устремльшися, прелетѣвши обительская зданія, на пустыни разорвася, ниже малыя пакости обители содѣла. Таже третію многочисленную кознь, имущую 360 ядръ, рече воевода, стрѣльбою пустити на обитель. И егда испущени, взыдоша на высоту воздуха, елико презѣльнымъ стремленіемъ, толико необычнымъ шумѣніемъ, яко врани стадомъ паряще и на высотѣ оной надъ самую возлетѣша Вседержителя церковь, скрежетаніемъ шума зряція ужасающе, влокотаніемъ же огня и жупела видящихъ колеблюще сердца, и послѣдними злыми святому предстояще мѣсту. Егда же отъ высокоумнаго летѣнія обратиша прямо низошествія, егда близъ быша святыхъ крестовъ, иже на соборнѣй церкви, тогда (о твоего милосердія Христе), внезапно яко духъ нѣкій дхну отъ церкви и расточи онѣхъ стремленіе, яко нѣкимъ женоми? тако отъ церкви растекшася, и разметашася, внѣ монастыря окрестъ оградныя стѣны. Обители никоегоже поврежденія, или досады сотвориша.

Точію три ядра посередѣ монастыря падоша, едино у хлѣботворныя келліи, второе во иномъ мѣстѣ, третіе же у самыя гробницы или часовни преподобнаго чудотворца Германа. Внегда же ядро оное, еже у гробницы Германовы разорвася, во ино время въ церкви преподобному чудотворцу свѣщевжигательный старецъ бѣше, моляся преподобныма о заступленіи нашедшихъ злыхъ, видѣ очезрительно старца столѣнна въ церковь вшедша возрастомъ мала, иже преступль къ священнымъ ковчегомъ возопи: „братіе, Зосимо и Савватіе востаните! идемъ къ праведному Судіи Христу Богу, суда праведна на обидящія ны просита, которіи намъ покоя и въ земли дати не терпятъ“. И абіе преподобная воставша въ ракахъ своихъ сѣдоста глаголюща: „Брате Германе, иди и почивай прочее; уже отмщеніе обидящимъ ны посылается“. И паки возлегша успоста, и пришедый святолѣнный старецъ невидимъ бысть; тогда разумѣ старецъ: яко святолѣнный онъ преподобный Германъ бѣ. Прослави Бога и преподобныхъ чудотворцевъ милостивое призрѣніе, и шедъ ко отцемъ киновіи повѣда видѣніе. Они же слышаннымъ дивишася, и вшедши въ церковь, возлаша съ теплыми слезами молебная благодарствія Господеви, и преподобнымъ чудотворцемъ, тако милостивно о своей обители прилежащимъ. Елма же отъ стрѣлянія пушекъ и пицалей ниже злобы киновіи, ниже трудности каковыя сотвориша. Ино кознствованіе хитрости воевода умысли, повелѣ окрестъ монастыря рвы копати и градки строити. Воини повелѣнная тщательно творяще, окрестъ монастыря хождяху. Тогда нѣкій бѣлецъ и служитель соловецкій, именовъ Дмитрій отъ высоты забралъ и столповъ оградныхъ къ нимъ вопіаше: „почто много о любезніи труждаетея и толикія подвиги и поты туне и всуе проливаете, приступающе ко стѣнамъ града; зане и пославый вы государь царь косою смертною посѣкаяся, свѣта сего отходить!“ Слышавши юродство и руганіе вмѣняху быти слово, еже послѣжде дѣйствительнѣ сбывшееся показася истинно. И егда рвы ископаша воинство все по рвамъ хождаше, ибо бяху градки высотой со стѣну градовую. Къ снмъ башни высокія сотвориша, и подкопы многія подведоша и пороху множество закаташа, и въ 23 декабря, приступъ великъ воини сотвориша, и лѣствицы къ стѣнѣ приставиша, и всѣмъ воинствомъ на взятіе приступиша. Сущии же во обители отцы въ соборную церковь стекшеся слезами и молитвами отъ Бога помощи отъ преподобною чудотворцу заступленія прошаху. А иже на стѣнѣ града стражіе и слуги, противу ратнымъ стояще подо-

бающая творяще, на стѣну взыти не даяху. И охрабравшися лѣствицы оныхъ сокрушиша, и самое воинство отъ обители далече отгнаша. О сихъ бо и Владычицѣ Богородицѣ, и преподобнымъ чудотворцемъ всерадостное благодареніе воздаша сохранившимъ обитель невредену.

Видѣвъ воевода, яко ничтоже киновію ратующе успѣвають, яко ниже козными, ниже стрѣляными, наконецъ ниже приступами потщавшися киновію взяти возмогша, но бездѣльни и посрамлени вспять отхождаху. Отлагаетъ прочее надежду о киновіи, отчаявается о взятіи, облагается безнадежіемъ весьма о стояніи, за невозможное взятія толикую крѣпость имѣющаго града. И что дѣйствовать прочее недоумѣется. Но понеже случается и исполиномъ храбрымъ отъ приближенныхъ умерщвяться, случается градомъ крѣпкимъ и непреоборимымъ отъ своихъ соплеменникъ предаватися, и здѣ о киновіи тожде сотворяется.

Мнихъ нѣкій во обители, Теокистъ именемъ, ноцію отъ обители чрезъ стѣну изшедъ, къ ратнымъ прииде: и якоже обѣщаніе свое и отеческую обитель, оставляетъ и древлеотеческое благочестіе, лобызаетъ Никоново новопреданіе; и не токмо себѣ и единой души своей неполезная и злая ходатайствуетъ, но Іудинѣ злобѣ ревнуетъ, о преданіи обители смышляя, и яко Енея и Антенорѣ трояномъ, тако лукавый Теокистъ своей обители (аще и неравнымъ образомъ) бываетъ. Бяше во обители пролазь изъ сушильныя полаты сквозѣ градовую стѣну, кимъ прежде воду во оную полату носиша, и въ началѣ егда затворяхуся во обители, оную скважню плинѣами но не зѣло крѣпко задѣлаша. Сію дверь оный вѣдый предатель Теокистъ, приступль къ воеводѣ просить воиновъ, во еже смотрити тоя скважни, и време подобна, обѣщаетъ предати кромѣ труда обитель. Воевода же даде ему пятьдесятъ воиновъ, на совершеніе дѣла: и хождаше мнихъ со оными, нощми многое время ко оному пролазу, глаголють же яко отъ Рождества Христова, даже до 29 генваря по вся ноци къ мѣсту оному хождаше, и не можаше обрѣсти време потребна за тишину и прозрачное ношей. Егда же прииде день вселенскія субботы всемирнаго православныхъ христіанъ поминанія: восхотѣ Господь чрезъ нужду страданія и своя рабы въ вѣчное пріяти упокоеніе. Въ вечеръ пятка, си есть генваря 28, буря воздвигшися зѣло велика и мракъ велій со снѣгомъ на обитель восхождаше. Въ ноць ону единому отъ сотникъ Логину именемъ, ему же отъ начальствующихъ киновію, поручено бяше храненіе града, и стрегущихъ на карау-

лахъ дозираніе: спящу въ своей келліи, пришедъ нѣкто возбудил глаголя: „Логине, востани, что спиши, яко воинство ратныхъ подѣ стѣною, во градъ будутъ скоро“; воспрянувъ же той, никого же видѣ, и прекрестився паки возлегъ успе, второе мужъ приступивъ глаголя: „Логине, востани, что безпечально спиши. Се воинство ратникъ во градъ входитъ“; возбнувъ же и прекрестився размышляше, что хочетъ сіе быти; что видѣнная являютъ; еда приснѣніе нѣкое соблажняющее есть, вѣдѣще бо стражи хранящія стражбу опасно и возлегъ паки успе; приступивъ третіе явивыйся, возбудил его и поношаше глаголя: „Логине, востани, воинство ратующихъ уже во градъ вниде. Воспрянувъ же трепетенъ тече скоро къ стрегущимъ и видѣвъ бодро стрегеніе творящія, и отъ ратникъ никакова же слыша нападенія, вшедъ ко отцемъ киновіи, возбудивъ и повѣда трикратное явленіе. Еже слышавше трепетни бывше, возбудила всю братію, воеже принести къ Богу молебное пѣніе. Бяше бо полунощіе и собравшися въ церковь, Господу Богу, Богородицѣ Владычицѣ, и преподобнымъ чудотворцема молебны, съ тепльшими слезами совершиша, послѣдже и полунощницу и утреню по чину отпѣша. И понеже еще тмѣ велицѣ суци, и утро глубоко одержашу, разыдошася по келліямъ. Въ послѣдній же часъ ноци зари заводящейся, егда стражіе отъ карауловъ изыдоша въ келлію на покой, вторіи же на премѣненіе начаша уготавливатися во дневное стрегеніе. Тогда предреченный предатель съ воины, обрѣтши время, плинѣы изъ окна ломами желѣзными выбивши, единъ по единому вхождаху во ону полату, дондеже и вся наполнися; и шедше разломиша замки, и врата града отверзше воинство ратныхъ пустиша во обитель. Стражіе же услышавше шумъ и говоръ на стѣнѣ, вскочиша и видѣша воинство посыпавшися по стѣнамъ и во вратахъ града, и ужасошася ничтоже могуще ничтоже вѣдуще сотворити. Мужественнии же изъ нихъ, Стефанъ, Антоній и съ прочими тридесѣтью изшедше ко вратомъ на срѣтеніе, яко мужи мужественно смертную чашу за отеческія законы испиша во вратѣхъ святыхъ, отъ воиновъ посѣчени быша. Отцы киновіи и прочіи слуги и трудницы услышавше, паче же узрѣвше нечаянно новосодѣянную плачевную вещь разбѣгшися во своя келліи затворишася. Еже услышавъ воевода несмѣ долго во обитель внити, но послалше начальники воиновъ молити и увѣщевати иноки, да ничтоже боящися изыдутъ изъ келлій, никого же имъ озлобленія сотворити обѣщася и клятвою

крѣпкою свое обѣщаніе печатествова. Отцы же вѣру емше лису тому, собравшися изыдоша во срѣтеніе съ честными кресты, и со святыми иконами. Сей же забывъ обѣщаніе, преступи и клятву, повелѣ воиномъ иконы и кресты отъяти, иноки же вся и бѣльцы за караулъ по келліямъ развѣсти. Самъ въ станъ свой возвратися, приказа Самоила, мужа добля и крѣпка, и сотника перваго привести къ себѣ. Сему же приведену; рече къ нему: „почто противился еси самодержцу, воинство посланное отбивалъ еси отъ ограды?“ той мужественно противу отвѣща: „Не самодержцу азъ противихся, но за отеческое благочестіе, за святую обитель мужествовахъ, и хотящихъ разорити преподобныхъ отецъ поты, не пущахъ во ограду“. Разъярившися къ симъ Мещериновъ, повелѣ воиномъ мужественнаго Самоила пястицами крѣпко бити. И толико биша онаго, дондеже на оныхъ біеніяхъ честную душу свою въ руцѣ Богу предаде. Умерша же приказа взнесимъ въ ровъ бросити: И сему бывшу, призвати повелѣ архимандрита Никанора, иже отъ старости и трудовъ молитвопредстояній многолѣтнихъ ногами ходити не можаше, но на малыхъ саночкахъ посланіи взявше привезоша. Воевода вземъ его предъ себе глагола со гнѣвомъ: „Рцы ми, Никаноре, чесо ради противился еси государю? чесо ради обѣщався увѣщати прочія, не токмо преступивъ обѣтъ, но и самъ съ ними на сопротивленіе цареву совѣщался еси? чесо ради воинство во обитель не пустисте, и хотящія ити, оружіемъ отбивасте?“ На сія священный старецъ отвѣща: „самодержавному государю, ниже противляхомся, ниже противитися помышляхомъ когда, за не научихомся отъ отецъ, къ царемъ чествованіе паче всего являти; научихомся отъ апостола, Бога боятися и царя почитати; научихомся отъ самого Христа, воздавати кесарева кесареви, а Божія Богови. И понеже Божіихъ неизмѣнныхъ законовъ, апостольскихъ и отеческихъ преданій посредѣ вселенныя живущимъ соблюдать, не попускають нововнесенныя уставы и новшества патриарха Никона. Сихъ ради удалихомся міра, избѣгохомъ вселенныя, и въ морской сей отокъ въ стяжаніе преподобныхъ чудотворцевъ вселихомся: во еже въ преподобіемъ селеніи, преподобными ихъ чины, уставы и обычаи, тѣмже по стопамъ ихъ руководитесь желающе. Васъ, иже растлти древлецерковныя уставы, обругати священныя отецъ труды, разрушити богоспасительныя обычаи пришедшихъ во обитель, праведно не пустихомъ“. Таковая и симъ подобная блаженный глаголя; и на каждая заданія свободнымъ отвѣщая гласомъ, разгнѣва паче вое-

воду, иже безчестною бранію и нелѣпыми словесы укаряше отца, коимъ онъ противу мужествуя. „Что величаешися, что высишися, рече, яко не боюся тебѣ, ибо и самодержца душу въ руцѣ своей имью“. Сія наипаче разъяриша мучителя, и вскочивъ отъ сѣдалища своего тростию бияше блаженнаго по главѣ, по плещема и хребту. Не урамився ниже иноческаго образа, ниже сѣдинъ святолѣпныхъ, ниже великаго священства сана. И толь жестоко бияше, яко и зубы священнаго блаженника отъ устъ изби. Таже воиномъ повелѣ ужемъ за нозѣ оцѣпившимъ, со всякимъ руганіемъ и смѣхомъ (О наглости безсрамныя) и во единой свитцѣ безчестно многочестнаго влещи за монастырскую ограду, мѣра влеченія яко полпоприща, и вровъ глубокой вринувшимъ, стрещи, дондеже умреть. Повелѣннымъ скоро совершаемымъ, терпяше страсотерпецъ, яко вовлеченіи хухнанія и смѣхи отъ влекущихъ, ударенія и зараженія главы о каменіе и землю. Тако и въ глубочайшемъ рвѣ, на лютomъ и нестерпимomъ мразѣ, во единой срацицѣ чрезъ всю ночь съ ранами и мразомъ боряся, предъ озареніемъ же дневнаго свѣта изыде отъ тмы настоящаго живота, въ немерцающей присносущій свѣтъ, и отъ глубокаго рва, въ превысочайшее небесное царство. Посемъ повелѣ привести соборнаго старца именемъ Макарія. На приведеннаго же воззрѣвъ звѣрояростно рече: „О злый старче, откуда таковыя дерзости научистесь, еже царемъ не покорятися, еже на воинство посланное стрѣляти, еже приступающія къ стѣнамъ ограды оружіемъ отгоняти?“ На сія свободнымъ языкомъ отецъ отвѣтствова: „Мы царемъ никогда же противитися смышляхомъ, но подобающее покореніе и честь, яко отъ божіихъ законовъ научихомся, тако безъ всякаго препятства отдаемъ. Стояхомъ же противу вамъ ратнымъ, на святую обитель немилостивно наступающимъ, и на святыя церкви безсрамно стрѣляющимъ. Яко приидосте насиліемъ оружія разорити отеческія законы и распудити Христово стадо. Сего ради во обитель вы пустити не повелѣвахомъ, и приступающія ратно прочь отбивахомъ“. Отвѣтомъ симъ яко стрѣлою пораженъ мучитель, скочивъ, рукама своима би блаженнаго немилостивно по главѣ и ланитома. Таже желѣзомъ толико, елико изнеможи біющему. Наконецъ повелѣ нозѣ вервію связати, и съ руганіемъ немилостивно влещи на берегу моря, и положити на смерзшемся льдѣ, яко трегубою болѣзнью давимъ, отъ воздуха и леда и воды, преболѣзненно отъ житія отъидеть. Таковымъ лютшимъ мученіемъ толико нестерпимомъ студенью и мразомъ наляченъ страдалецъ отъ студе-

ности временнаго житія къ безсмертнаго царствія блаженнѣйшей веснѣ преиде. Посемъ Хрисанѳа древорѣзца хитраго, и Θεодора живописца мудраго со ученикомъ Андреемъ мужи, елико во обители знамениты, толико и о благочестіи ревности теплѣйшія приведены, воевода испытавъ, и яко тверды и непоколебимы во отеческихъ законѣхъ видѣ, повелѣ смертію лютѣйшею казнити: руки и ноги имъ отсѣщи, таже и самую главу отрѣзати; еже со блаженнымъ рвеніемъ съ благодатною сладостію подъемше блаженніи, главопосѣчени быша. Симъ горчайшею смертію ко всесладостному блаженству отшедшимъ, повелѣ прочія изъ караула привести, иноки и бѣльцы, числомъ яко до шестидесяти. И различно испытавъ, обрѣте во древлецерковнѣмъ благочестіи тверды и не превратны, зѣльною яростію воскипѣвъ, смерти и казни различны уготовавъ: повѣсити сія завѣща, овья за выю, овья же за ноги, овья же и множайшія (острымъ желѣзомъ прорѣзавше) и крюкомъ продѣвшимъ на немъ обѣсити, каждаго на своемъ крюкѣ. Блаженніи же страдальцы съ радостію выю въ вервь вдѣваху, съ радостію ноги къ небеснымъ тещи уготовляше, съ радостію ребра на прорѣзаніе дающе и широчайше спекуляторомъ прорѣзовати повелѣвающе. Таковымъ неслышаннымъ мужествомъ, таковымъ неповѣстнымъ усердіемъ томленія безчеловѣчная терпяще, на безсмертное упокоеніе къ небесѣмъ возлетѣша; инья же звѣросердечный мучитель за ноги вервю оцѣпивше къ конскимъ хвостомъ привязати повелѣ безмилостивно по отоку влачити, дондеже души испустятъ. Сии же тако люто и мучительно влачими ничтоже малодушно, ничтоже младенчески являху, но молитву Іисусову творяще, Христа Сына Божія во устѣхъ имуще. Тако честныя своя и святыя души отъ страдальческаго подвига, на вѣчный покой возпущаху. Прочія же киноіеискихъ жителей, иноки и бѣльцы, слуги и трудники испытавъ, обрѣте вся крѣпкодушны и единомудренны, вся въ древлецерковнѣмъ благочестіи стояція, вся за отеческія законы умрети готовы, многими истязаньми и ранами, различными мученіями и страстьми озлобивъ, смертьми горчайшими и болѣзненными настоящаго лиши житія.

Симъ убо толикими смертьми, и таковыми преболѣзненными скончаніи къ безболѣзненнымъ обителемъ отшедшимъ, и всея киноіеискимъ жителемъ, яко пшеницѣ въ день жатвы серпы мученія пожатымъ, не утомися злосердый воевода отъ толикихъ кроволитій, ниже умягчися мучительское сердце толико многихъ невинныхъ, толико иноковъ преподобныхъ неправеднѣ мучивъ, но и на оставшія звѣрски

рыкаеть. И понеже здравыхъ не обрѣтъ, повелѣ боляція (о жестоты права) изводити и испытovati. Елма же твердѣйшія здравыхъ и крѣпльшія сильныхъ обрѣтаеть ихъ во отеческихъ законѣхъ, къ мученію сихъ распаляется. (И зане отъ многолѣтнихъ трудовъ и подвиговъ со одра двизатися немоущія) новѣйшую страсть непреподобный умышляетъ: по двѣма вмѣсто хребтами связати и вервю за нозѣ оцѣпити повелѣ. Сице на брегъ морской влачити во единыхъ свиткахъ немилостивно, и на ледѣ во время лютаго мраза оставляти; овья же, іорданъ просѣкше не насквозь, но подобіемъ богоявленскаго водоосвященія. И наполнивше таковыми связями больничныхъ отецъ, воду пропускаху, и тако въ престуденѣй оной водѣ на трескущемъ ледѣ вселютѣйшимъ давами мразомъ, блаженнѣмъ онымъ трудницымъ померзаемымъ, и леденѣемымъ, и истаяннымъ плотемъ ихъ, и къ леду примерзающимъ благодарно терпяще конецъ житія приимаху, къ пятидесятимъ сто числомъ суще. Ниже малодушія коего, ниже младенческаго что показавше, но яко отцы отечески, яко старцы старчески и великодушнѣ лютыя и ругательныя казни немощными уди со сладостію подымаше къ вѣчнымъ селомъ востекоша.

Всѣхъ убо въ киноіи пострадавшихъ различными казнями житія теченіе скончавшихъ, иноковъ и бѣльцевъ всякаго чина (кромѣ малыхъ оставшихся или предавшихся) ихже число, вящше трехъ сотъ къ четыремъ сотомъ приближашеся: (или до пятихъ сотъ яко нѣціи глаголаша дохождаше), иже вси единодушно на смерть за древнее благочестіе мужественно потекоша. Мнози отъ сихъ воеводѣ дерзновенно вопіяху: „аще сладостно ти есть видѣніе наше умертвіе, о человекѣ, что медлиши, отпусти насъ странствія настоящаго житія, къ будущему никогдаже вѣтшающему и преходящему дому; яко и государь царь немедленно за нами будетъ, и ты самъ томителю готовися на судъ Божій съ нами, кровосѣяній твоихъ пожинати рукояти!“ кая словеса преподобныхъ отецъ по малѣ дѣломъ совершишася.

Мещериновъ же, елико въ кроволіяніи и казняхъ предьявленныхъ отецъ труждашеся, толико и о оставшихъ еще малыхъ печашеся, ихже смерти предати не восхотѣ, но многими біеньми израни, въ нихже и Димитрія онаго кричавшаго со стѣны, пришедъ вопросы, услыша тожде, яко государя уже жива нѣсть, вельми изранивъ броси въ темницу ругаяся: „се увидимъ пророчества его сбытіе“. Сей димитрій по смерти государевѣ отъ начальника инога біень зѣло и въ ссылку на Мезень осужденъ и отъ многихъ ранъ

на пути везомъ ко Господу блаженнѣ отъиде. Прочыя же, Мещериновъ, въ разныя украины Россійскаго царствія на заточеніе разсла, иже въ темницѣхъ сѣдѣше умроша. И понеже киновіи жилища опустошися, келіи испразднишася, больница праздна возлежащихъ являшася, пусты святыя церкви молящихся киновіатъ, пусть монастырь своихъ жителей показася, — исполнишася окрестныя обители на отоцѣ, наполнишася луды и морстїи брезї тѣлесъ мертвыхъ висѣщихъ и на земли лежащихъ, земля отока и каменіе обагрися неповинною кровію преподобныхъ. Мещериновъ несыто рачительство о имѣніи стяжавъ, яко обрѣтъ время, нача грабити вещи монастырскія и церковныя, яже древле благочестивїи царіе и князи и прочїи отъ благородныхъ сооружиша, даже и до иконъ святыхъ дерзаше. Тогда отъ оставшихся отецъ инокъ Епифанїй мужъ благаго и постоянного житія, казначейскую службу имый возбраняше ему о дерзости. Но сей не точію не престаяше, но и ключей прошаше еже въ казну ходити, и волею не получивъ, силою отъя. На Епифанїя же винныя обрѣсти не могій, о благочестїи истязоваше и о не пущенїи царева воинства во обитель. Той же свободнѣйшимъ гласомъ тако о благочестивыхъ законѣхъ, и церковныхъ преданїяхъ яко предпострадавшїи отцы отвѣтствуетъ. Разярился мучитель, повелѣ вельми бити его, и бїеннаго за нозѣ оцѣпившимъ виѣ обители, въ ровъ или на брегъ морской бросити и стрещи дондеже умреть. Тако блаженный, аще и послѣжде отецъ поїде, но тѣмъ же путемъ благочестїя и страданїя текїи, оныя достиже; и радуяся съ ними, небеснаго блаженства наслаждается. Но убо еже о разоренїи киновїи, еже о страданїи блаженныхъ отецъ, елико слышася и извѣстися, толико преднаписася нужно прочее и о сбытїи прореченїя преподобныхъ сочетательнѣ, тако о умертвїи государя царя, яко о смерти воеводы Мещеринова, вкратцѣ слово изъяснити, якоже достовѣрныхъ усты и писаньми изобразися. Егда убо воевода на взятїе монастыря ко стѣнамъ приступаше, егда предатель лукавый време не подобна еже внутрь киновїи ввести воинство смотряше, тогда на Москвѣ государь царь тѣлесною болѣзнію объѣмлется, въ самую недѣлю блуднаго, за седмицу до разоренїя киновїи седмодневнымъ неможенїемъ томленїя, и зане болѣзнь крѣпцѣ умножися, зане чаяніе смерти прииде, о киновїи прочее милосердствуетъ. Посылаетъ къ патріарху, проситъ благословенїя оставити киновїю по отеческимъ закономъ жити (рекоша же яко и чудотворца соловецкая явишася самодержцу молиста ослабити обители ихъ).

Патріархъ же всероссійскїй Іоакимъ, крѣпчайшїй явися ко прошенїямъ симъ. Не толико пеіїйся о царствѣмъ здравїи, елико о соловецкія киновїи взятїи, не тако о немощи монарха боляше, яко киновъ разоренъ слышати хотяше; увѣща онаго о милости не бреши, желая чудотворцевъ поты испровреши. Малымъ днемъ прешедшимъ, елма скорби царя участїша, паки посылаетъ къ патріарху, паки призвавъ молить и увѣщаваеъ: еже простити соловецкія отцы, еже оставити въ преданїихъ чудотворцевъ небоязненно жити. Патріархъ же ожесточися паче камене, не смотряше царевы болѣзни пламене, увѣри царя милость ко отцемъ отложить, хотя мѣсто святое кровію облити. Царь елико патріарху покаряшася, толико лютѣйши болѣзнь умножашася, и толико болѣзни зѣльное терпяше, едва едва и отдохати можаше. Видѣ тогда государь своего пастыря, не давающа цѣлительнаго пластыря, но здравію его содѣвающа спону, отъ нея же углачеся путь къ смертному гробу. Въ четвертокъ тоя седмицы, ухвати самодержца болѣзнь зѣло крѣпка, знаменїе дающи смерти; яко врачї-дохтуры, вся врачевскія хитрости отъ себе отслати. И въ субботу же тоя седмицы, посылаетъ гонца наскорѣ къ соловецкѣй обители, разрѣшая гнѣвъ негодованїя, оставляя отцы жити въ древлецерковнѣмъ преданїи, прошаше отъ нихъ молитвы и благословенїя. Ниже патріарха, ниже ины отъ духовныхъ вопросивъ, по своею властїю, своимъ произволенїемъ, восхотѣ милость излїяти ко огорченнымъ нуждникомъ. Егда же милость показа къ соловецкимъ отцемъ, егда посла скорого бѣжца веляща отступити воинству отъ обители преподобныхъ, тогда воевода стоящїй подъ киновїею (чрезъ подведенїе предателя), киновїю взя генваря 29, въ 1-й часъ мясопустныя субботы, и вся жители елико иноческаго, елико мірскаго чина, острѣйшими мученїя серпы, яко класы пожне, и убіенныхъ тѣлесами и неповинною кровію святое окропи мѣсто. И егда воевода толикая и таковая показа кроволїанїя, разоривъ чудотворцевъ стяжанїе, егда кровавую оную соверши богонеугодную жертву, тогда въ 8-й часъ того дне государь царь оставляетъ вѣнецъ своего царствїя, оставляетъ и власть міродержанїя, и смертію отъ сего житїя (о слезъ) умираетъ.

Воевода Мещериновъ о смерти самодержца ничтоже вѣдый, посылаетъ гонца къ Москвѣ, радостнѣ, о взятїи обители возвѣщая, и яко оба гонца на Вологдѣ срѣтостася: овъ прощенїя обители радостнѣ ношаше, овъ разоренїе тоя плачевно повѣдаше, и къ царствующему граду обратившася. Егда во градъ вѣвша, страненъ видѣ

усрѣста, сугклитъ царскій и прочія благородныхъ, и одеждами облечены черными, безгласно являюще случай плачевный, смерть самодержца всѣмъ возвѣщаютъ, рыдати своего государя вся понуждаютъ. По смерти самодержца сынъ его Феодоръ, скупетръ властодержанія російскаго, яко наслѣдіе отца и дѣда, удержавъ. Услыша отъ нѣкіихъ Мещеринова въ соловецтѣй киновіи грабяща вещи церковныя и казенныя, и повелѣ его указомъ къ Москвѣ безчестно взяти. И тако оный мучитель немилостивый, распудитель святыхъ киновіи звѣронравный и лютѣйшій кровопійтель, ругательно и желѣзоносящъ къ царскому граду свезенъ. По малѣ времени отъ суда земнаго къ небесному и неумытному восхищенъ, мучительныхъ и кроволіятельныхъ сѣяній, прегорчайшыя плоды пожинати. Что же прелукавый онъ предатель, вторый образы и дѣлы Іуда, толико премножайшаго кроволіянія величайша вина, по реченному: „предавый Мя тебѣ болій грѣхъ имать,“ (Іоаннь, 60). Еда безъ наказанія, еда безъ отмщенія житіе се преиде? никакоже! Но яко же множайшую сотворивъ злобу, тако и множайшее томленіе получивъ, житія исчезаетъ. По взятіи бо монастыря, посылается на приказъ на Вологду, и попущеніемъ Божиимъ въ неискусенъ умъ предався, впаде въ страсти нечистыя, въ скверны блуднаго разліанія. Посемъ впаде въ болѣзни неискѣльныя, въ болѣзни струпаго прокаженія. Все бо тѣло окаяннаго отъ главы и до ногу лютымъ гноемъ кипяше. Таковымъ тяжкимъ мученіемъ, толикии нестерпимыми струпоболіи, злѣ томимъ на многа времена, злѣ испроверже презлѣйшую душу свою отъ временнаго, къ безконечному мученію немилостивно взятся. И о сихъ убо толико довлѣютъ, накіи возвратимся. Въ киновіи же убіенныхъ отецъ, или истѣе рещи, преподобныхъ страдалецъ блаженная тѣлеса не погребена, ниже покровена на ясинѣ воздуха бяху отъ субботы мясопустныя всю, якоже чотыредесятницу тако и пятидесятницу, и вѣщную часть поста святыхъ апостолъ, ови висяще, ови лежаще, всякаго смрада и вони мертвыхъ не причастни, по яко спящихъ челоуковъ, тако тѣлеса она цвѣтяху благодати красотою. Веснѣ же настоявшу, и великому дне свѣтильнику, теплыми зрѣнія лучами, аеръ и землю всю осіавшу, снѣги изничтожишася, леды растаяша, воды проліяшася, морстін брезі яко о земли тако о островѣхъ, тако округъ соловецкаго отока, всюду отъ леда очистившася водами исполняшася, *а иже на губѣ морстѣй ледъ, на немже отечская тѣлеса лежаху, не истаяваше и не растлѣвашеся, но не-*

*движимъ отъ толикія солнца теплоты, отъ такого зльнаго вара распаленія, яко камень крѣпкій, яко адамантъ нерушимый, являся, твердъ и непоколебимъ стояше преестественнымъ знаменіемъ симъ, самую чудесе вещь, благочестное страданіе отецъ, и святость тѣлесъ лежащихъ, паче трубы всѣмъ проповѣдая чудомъ и ужасомъ сердце зрящихъ колебляше, и приѣзжающимъ на богомоліе въ киновію, дивное оно зрѣніе, дивный трепетъ и страхъ видящимъ подаеше. И не токмо ледъ, иже подъ тѣлеса святыхъ посланный, толико крѣпокъ, толико твердъ обрѣтесе, но и самая блаженныхъ страдалецъ тѣлеса, яже на губѣ морстѣй лежащая, яже на столпѣхъ различно вѣсящая, яже на земли острова казенно поверженныя, въ таковыя весенныя дни и въ тако жарчайшія солнцепеченія ничтоже естественныхъ показаша, ниже согнитія, ниже ропы, ниже вони смрадна, обычныя мертвымъ тѣлесемъ изліяша, но вышеестественнымъ благодати содержаніемъ, яко живыхъ спящихъ тѣлеса тако лежаху яко, цвѣтъ на поляхъ, яко кринь во удолѣхъ, тако цвѣтяху и благоукрашася. Тѣмъ и властители, иже по избіеніи отецъ киновіею обладающіи и предводительствующіи воинствомъ, преестественными сихъ чудоносій одолѣваеми знаменми, елико о крѣпкомъ стояніи и не растаяваемой твердости льда чуждахуся, толико и о изрядной цѣлости и нерастлѣннн страдальческихъ тѣлесъ удивляхуся, и на милость къ безвиннымъ осужденникомъ паче же ближайшимъ страсотерпцемъ преклоншеса, къ самодержцу написавше прошаху о снятіи собраніи и покрытіи землею, толико временно лежащихъ отеческихъ тѣлесъ. Извѣствуютъ же самобывшіи тамо, яко убіенніи блаженницы въ видѣніи сна нѣкіимъ отъ начальствующихъ представше рекоша: „аще хотите леда видѣти растаяніе, наша тѣлеса опрятавша погребенію предайте, донележе бо она верху лежати будутъ ледъ не растаетъ“. Егда же отъ самодержца указъ прииде, повелѣвающъ сопрятати убіенныхъ преподобныхъ тѣлеса, тогда со тщаніемъ опрятавше отвсюду и отъ леда, и отъ отока, и отъ столповъ, и землю ископавше на лудѣ морстѣй нарицаемой „женстѣй коргѣ“, разстоящей отъ монастыря яко полпоприща, вся блаженныхъ тѣлеса вкупѣ положивше, и каменіемъ могилу закладше насыпаша. Иже бо въ киновіи вкупѣ душеспасительно жиша, иже едино богоумнѣ о благочестіи пострадаша, сіи и по смерти тѣлесемъ своимъ возлещи вкупѣ избраша. Вѣрно же яко и на небесѣхъ вкупѣ престолу славы предстояще вѣчнаго блаженства наслаждаются.*



Погребенію же бывшу (сіе есть отеческимъ тѣлесемъ собраннымъ и землею, покровеннымъ), крѣпкій онъ ледъ и твердше въ сопротиво-стояніи солнечныхъ показавшися лучъ, вскорѣ зѣло растаявъ, и абіе растлѣвся не явился; и елико прежде жесточайшъ обрѣтесе, толико послѣжде мягчайшъ и удоборастаянъ показася; и коль крѣпостію своего нерастаянія зрящихъ удивляше очеса, толь и внезапнымъ истаяніемъ премѣненія видящихъ ужаси зраки. И обоими сими вышеестественными дѣйствъ случаи блаженныхъ отецъ чудесное страданіе, паче же прославляющаго своя рабы пречуднаго Господа всѣмъ народомъ объявивъ, прослави.

Тако убо всекрасному опому преподобныхъ чудотворцевъ стяжанію, тако предоброму честныя киновіи селенію, яко саду оторгану, яко цвѣтомъ ошнаннымъ, яко вѣтвемъ отсѣченнымъ, яко плодомъ обраннымъ, яко розгамъ отломленнымъ, яко винограду всесладчайшему точиломъ мучительныхъ изгнетеній на премирную вечерю всепремирному царю и владычицѣ принесшимся. Киновіи прочее пуста иноческаго чина, церкви же пуста поющихъ явившися, яко нѣкая сѣнь въ виноградѣ, или овощное хранилище въ вертоградѣ, или градъ оберенъ и опустошенъ, не благолѣпна, но безобразна показася. Сего ради самодержецъ указомъ повелѣ изъ разныхъ Россіи монастырей мниховъ собрати, въ соловецкія киновіи населеніе, еже (сіе есть собраніе) скоро совершися, и монастырь паче же отокъ Соловецкій новособранными мнихами и новопредавшими отъ Никона догматами и уставы наполнися. И понеже, вмѣсто древнихъ оныхъ и добродѣтельныхъ отецъ — новіи мниси въ стяжаніе собращася преподобною чудотворцу; вмѣсто трезвыхъ — пѣнстволубніи; вмѣсто цѣломудренныхъ — оплазивіи; вмѣсто молитвенниковъ — молвотворніи; вмѣсто боголюбныхъ и пустыннолюбныхъ отцевъ — міръ и житіе міра сего любящии чловѣцы въ киновію вселишася, и вселившесе, измѣниша отеческія чины же и уставы, измѣниша и преподобною чудотворцу преданія. Не токмо яже о догматѣхъ и законѣхъ надлежащія къ вѣрѣ и благочестію, но и яже общежительное украшающія благочиніе, яже иноческое ублаголѣпствующія житіе. Отсюду въ киновіи умножишася мятежи и безчинія, умножишася по келіямъ особояденія, трапезы и прогощенія, умножишася винопитія и пьянства, и раждающихъ пѣнство питій содержанія. Оставляю, яже на пѣниі клириковъ безчинія, яже срамословіи и сквернословіи учащенія, и лаяніи неподобныхъ изношенія, яже табаки держанія и табакопитія, и прочія неблаго-

лѣпныя и безчинныя обычаи же и дѣянія, имиже и отъ нихъ испревратилася общежительства чинъ и благолѣпіе, и святотворное иноческаго житія спасительное пребываніе. Оскудѣ превысочайшая слава и честь небесоподобная соловецкія киновіи благочинія, и оскудѣвши исчезаше. И елико благочинія киновіи слава и честь оскудѣваше, толико страдальцевъ блаженныхъ честь и слава идящи превозрасташе, и не отъ чловѣкъ и на земли токмо, но и свыше отъ небесъ различными знаменіи, различными чудесы страдальческіи облистовашесе гробъ, и зрящихъ очеса и сердца озаряя просвѣщаше. Мнози отъ жителей соловецкихъ, ови отъ инокъ, ови отъ бѣльцевъ, видителие сихъ на гробъ страдальчествъ бываху зряще: иногда свѣщи горящія, иногда свѣтъ необыченъ преестественнѣ проліявшія, иногда огонь палящъ и воскачушъ, иногда иная повѣдаху видѣнія бывающія. Тѣмъ и мнози отъ жителей соловецкихъ вѣрою усердія влекомы, на гробъ блаженныхъ приходяти, и кадило благоуханія приносяти; и занежъ явѣ за начальствующихъ страхъ не смѣяху, втайне сіе творити обыкоша. Иніи въ мѣсяца временночисліе, иніи въ седмицы обношеніе, иніи въ кругообращеніе лѣта приходяше, и гробъ ихъ благоговѣнно показивше, во своя возвращахуся; и не токмо киновіате соловецкіи, не токмо жителие отока зрителие знаменій сихъ бываху, но и отъ брегожителей округонасельницы мнози, множицею чудная видѣнія зрѣти глаголаху на гробъ блаженныхъ страдальцевъ. Наипаче же въ день патриженія ихъ, егда тѣлеса своя въ жертву чисту Владычицѣ и Богу принесоша. Тогда наипаче веледаровитый Богъ блаженство страданія своихъ угодниковъ объявляше зрящимъ, яко любезно того владычества сихъ страданіе, и пріятно паче всесожженій овнихъ и юнчихъ паче тѣмъ агнецъ тучныхъ.

Аще ли которій отъ любозавистныхъ зависти злобою болящихъ, аще кін отъ любозазирательныхъ и новинахъ радующихся чловѣкъ, словоповѣствованію зазрѣти хотяще рекутъ, яко убиенныя и смертію злодѣйческою умерщвенныя чловѣки, ниже отъ Бога знаменныи и чудесы явленны, ниже соборнѣ свидѣльствованныхъ, похваляюще дерзновенно святы и царствія небснаго наслѣдники нарицаете. Коимъ возотвѣтствующе предлагаемъ, святы и царствія наслѣдницы сія страдальцы законно и праведно именуемъ, и нарицающе отъ сихъ показаній довольствуемъ, свято есть и нарицаете непорочное и цѣлое вѣры содержаніе, яко освящающее вѣрою внутренняго чловѣка по реченному: „святую вѣра творить“. Но сіи блажен-

ницы, цѣлосъ вѣры, непорочное благочестія, неушербленное православія до конца соблюдоша, яко самое житіе ихъ и преднаписанная повѣсть являетъ. И паки: „святость житіе добродѣтельное чистое и богоугодное, яко просвѣщающее и освѣщающее добрыхъ дѣлъ блистаньми душу чловѣка“. Но сіи преподобницы, добродѣтель житія богоугоднаго (сіе есть отверженіе страстей, очищеніе и освященіе души и тѣла) до конца жизни показаша, яко самая дѣла ихъ, благолѣпное украшеніе общежительнаго чина и благоугодность кончины ихъ утверждаетъ; убо святости суть причастницы. Святый Златоустъ, въ Тим. 1, нравоуч. 14: „святи суть вси, елицы вѣру праву со житіемъ имуть, аще и знаменій не творятъ, аще и бѣсовъ не изгоняють, святи суть“, до здѣ Златоустъ. Но сіи отцы вѣру праву имѣша и житіе чистое, и житіе добродѣтельное стяжаша, и до конца соблюдоша; убо „святи суть“. Паки святости есть знаменіе благодати даемая свыше правовѣрнымъ, си есть духа святаго дарованіе прорицанія будущимъ знаменіи и чудесъ дѣйства, яко изъявленіе чистоты вѣры, чистоты житія, обрученіе будущаго царствія, яже неправовѣрнымъ и грѣшнымъ не дается. Но сіи стратотерпцы благодати Божія изобильно причастишася, благодатию укрѣпляемы лютыя скорби, нестерпимая мученія горчайшія смерти, не нуждею, но добрымъ произволеніемъ радостно понесоша. Благодатию просвѣщаеми смерть яко самодержца російскаго, тако Мещеринова мучителя неложно предрекоша. Благодатию сохраняемы и по смерти тѣлеса ихъ въ толикое временолежаніе, тако нетлѣнна и всякія вони смрада вышша, яко и ледъ подъ ними посланный невреденъ лѣтнимъ жарчайшими солнцепеченіи и не растаянъ показася, и прочая знаменія и чудеса вышписанная, благодати суть извѣстная начертанія. А понеже таковыя. Благодати дарованія сподобишася, убо и святыхъ наслѣдія суть сопричастницы. Святости суть, знаменіе, а вящшее знаменіе, еже ко всѣмъ послѣдовати святыхъ церкви святымъ пастыремъ и учителемъ, еже вѣру благочестія ихъ цѣлу и непревратну, еже преданія сихъ нерушима, еже житіе ихъ непорочно и право въ себе изображати, по избраннаго сосуда гласу: „помните наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, на ихъ же взирающе скончанія жительства, подражайте вѣру ихъ“ и паки: „въ наученія странна и различна не прилагаете“. Но сіи божественній отцы слышавше гласъ сей, поминаху наставники своя, яко святыхъ пастыри російскія, Петра и Алексія, Іону и Филиппа и прочыя учителей, тако и преподоб-

ныя Антонія, Θεодосія, Сергія, Варлаама, Кирилла, Зосиму и Савватія и прочія чудотворцевъ и поминающе, взираху на онѣхъ благочестія свѣтлое, жительства святое, скончанія богоугодное; взирающе же на оныя подражатели вѣры, подражатели и житія ихъ явишася; и якоже они въ Троицѣ (во) единого Бога вѣроваша, тако и сіи вѣроваша; и яко они крестнымъ знаменіемъ двѣма перстома знаменашася, тако и сіи знаменашася; и яко они аллилуія пояху сугубого и пѣти повелѣша во псалмоглаголаніихъ, тако и сіи и пѣша и содержаша; и яко тии крестомъ трисоставнымъ просфоры печаташа къ таинодѣйствію, тако и сіи печаташа. И яко же сія, тако и прочая церковная преданія, чины и уставы, якоже они тако непремѣнно во всемъ содержаша, и занеже вѣру онѣхъ цѣлу и не поколеблему, занеже преданія тѣхъ невредена соблюдающе, „въ наученія странна“ отъ тѣхъ ученій, въ преданія иная отъ тѣхъ преданій, въ чины и уставы различныя тѣхъ чиновъ и уставовъ преложитися не можаху; и не токмо не преложишася, но и за древлецерковное благочестіе за отеческая преданія до смерти ставше, сладцѣ крови своя изліяша. Аще убо святыхъ вѣру цѣлу и непорочну, аще преданія церковная онѣхъ невредена, аще догматы благочестія тѣхъ нерушима содержавше имѣша, аще за содержаніе оныхъ до смерти подвизашася,—явѣ, яко и блаженства тѣхъ да сподобятся. Еда не спасошася святіи чудотворцы, креститися двѣма перстома и благословляти научившіися? ей спасошася. Еда не богоугодиша божественное аллилуія двойственное пѣти утвердившіи? ей богоугодиша. Еда не соцарствуютъ Богу и святымъ крестомъ трисоставнымъ просфоры знаменовавшіи, и знаменати предавшіи? всяко соцарствуютъ. Еда не святи суть чудотворцы, иже догматы благочестія, преданія церковная, чины же и уставы отъ грековъ приемшіи, тако и намъ предавшіи? воистину святи суть; убо и сіи преподобницы, тыяжде святыхъ догматы, тыяжде преданія, тыяжде чины и уставы, и содержавше и кровью запечатлѣвше, безъ всякаго прекословія спасошася богоугодиша и святи суть. Отчуждаеши ли сія отъ наслѣдія царствія, о новолубителю? соотчуждаеши и оныя путь царствія симъ показавшія. Аще отрѣваеши ученики, отрѣвай и учителя; аще отгоняеши наставляемыхъ, отгоняй и наставники; аще отлучаеши овцы, отлучай и пастыри, таковымъ научившія преданіемъ, на таковыхъ благочестія пажитѣхъ сія упасшія; или вспятообратнѣ глаголю: Приемлеши ли пастыри и учителя во ограду пажити небесныя? приеми и ученики

непорочно во ученіяхъ оныхъ пожившія, и овцы яко вслѣдъ гласа оныхъ текшія, тако и на пажитѣхъ тѣхъ воспитанныя жившія и скончавшіяся. Едино убо отъ двоихъ прележитъ ти: или приемолюще россійскихъ святыхъ учителей и чудотворцевъ, сопріяти и сихъ несомнѣнною вѣрою вслѣдъ ихъ текшихъ, или отрѣвающе сія соотрѣяти и иныя таковымъ научившія преданіемъ, и не расторгненною златою пленицею, яко вѣры, тако и житія къ себѣ привязавшимъ. Ихъ же бо вѣра едина, догматы благочестія едины, житіе и мудрованіе едино, сихъ всяко и мѣсто едино будетъ, не мѣрою количества, но взрокомъ качества. Аще могутъ иначе всѣ сія быти, вашей совѣсти, вашему сужденію попускаемъ; праведною вагою суда судите. Се убо отвсюду зѣло ясно благоугодность святости ихъ показуется, проповѣдаетъ сихъ благоугодность вѣры и благочестія цѣлое и непорочное, проповѣдаетъ житія чистое и благоугодное, проповѣдаетъ ревности изрядное, мужества всекрѣпкое, стоянія непоколеблемое, страданія преподобное, вопіють прореченіи ихъ исбытія, всѣмъ вѣдомая знаменій бывшая, аще и невѣрующимъ тяжконосна, вѣрнымъ же и видѣвшимъ зѣло прелюбезна и ятовѣрна суть, и вкупноглаголательнѣ и вѣра и житіе, и многострадательное (о правдѣ благочестія скончаніе, богоугодность оныхъ яснѣйше всякія трубы возвѣщаютъ), аще бо по евангельскому гласу за правду изгнанніи блаженіи, и царствія наслѣдницы суть, коликъ блаженніи, иже за правду умрети всежелательно сподобльшіися. И аще маккавіи оны (иже за свиная мяса пострадаша) съ мученики прочтосаша, коль паче сіи иже за церковное православіе, за святыхъ отеческія законы, за преподобныхъ чудотворцевъ преданія благоревностно пострадавшии, святыхъ мученикъ лику сопрічтутся, и толико господевіи пріятни, толико возжелѣнны суть, яко въ такое время зимы, въ таковой случай мразовъ, цвѣтами добродѣтелей прозябшии и плоды всекрасныя возрастивше, садителю принесоша. Егда патріарха Никона страхъ вся обья, егда престолонамѣстницы страхомъ колебахуся, егда архимандрити и священницы дрожаще ужасахуся, егда монастыри и киновіи трепещуще оцѣпенѣваху, егда вси и грады и страны трусомъ двизахуся, егда вси страха и трепета узами связавшеся къ новинамъ приступаху, тогда, когда сіи крѣпціи подвижницы, яко воини вседобліи, яко льви иѣци отъ пустыни возревновавше и возмужавше за церковныя велѣнія сташа, и не до словесъ, ниже глаголовъ токмо охрабрившеся, но и вся настоящего житія оплевавше, красоту, славу, пищу и прочая, на страсти подвиговъ, на терпѣніе зельныхъ болѣзней, на самую

смерть вскочивше за благочестіе, толикая горчайшая мученія, таковыя многоболѣзненные смерти, таковымъ неслыханнымъ всеусердіемъ пострадавше, скончашася. И еликія нужды и скорби, елика мученія и смерти претерпѣша о благочестіи, толикихъ почестей и вѣнцевъ отъ Господа Бога со святыми мученики получитьи сподобятся, яко тожде съ ними рвеніе о благочестіи, тожде страданія терпѣніе, тожде смерти подъятіе понесоша, тѣмъжде славы Божія вѣнцы увѣнчаются; и сія убо къ любозазирающимъ, елико по нашему худосилію довлѣють словеса.

Мы же любопрепитательное оставльше, о оставшихъ отцѣхъ соловецкія киновіи вмалѣ повѣствовавше къ пристанищу отишиа ладійцу словесе низпустивше упокоимся. Елма убо россійстии архіереи и новостей изобрѣтатели, ярости гнѣвомъ и злобы возгнѣжденіемъ поджигаемы, подустиша самодержца на разоренія соловецкія киновіи, хотяще погасити оставшуюся благочестія древняго искру, и въ пепель забытія обратити, но елико тии Каиновою завистию боляще, братоубійствомъ руки осквернити не почиваху, толико неповинно изливающаяся кровь, Авелевски къ Богу отъ земли вопіяше; и вмѣсто Авеля убіеннаго, сѣмя правовѣрнымъ Богъ Спаа воздвизаше. Тако насажденіе преподобныхъ отецъ Зосимы и Савватія, измѣнивъ мѣсто отока на пустыни, паки возрастати, паки процвѣтати, паки плодоносити небесному дѣлателью непрестаяше. Егда бо воинство осадити и разорити киновію готовляшеся, тогда отъ киновійскихъ общесоборнымъ совѣтомъ мнози на брегъ моря отѣхавше иноцы и бѣльцы, по пустынямъ поселившеся и яко Авраамле сѣмя многоплодни и многожительни, и во благочестіи древлецерковнѣмъ и житіи отечестѣмъ крѣпкостоятельно показашаля. И не токмо пустыни, дебри и блата, но и окрестъ прилежація грады и веси благочестія свѣтомъ научивше и просвѣтивше, сториченъ плодъ ко Владычицѣ принесоша. Яковъ бѣ преподобный отецъ и многострадальный Епифаній, иже елико трудами и подвиги високаго житія, толико и благодатными Духа Святаго дарованьи украшенъ. Сей изъ киновіи Соловецкія въ началѣ Никоновыхъ новопреданій изшедъ, съ единымъ черноризцемъ и въ Обонежскія страны пришедъ многи отъ окрестъ живущихъ во благочестіи утверди, многи на путь спасенія настави. И на Сунѣ рѣцѣ преподобному старцу Кириллу начальнику мѣста съ поживе, и изъ келліи вселившіяся бѣсы молитвами отгна, и нѣкому злѣ живущему послѣднее житія въ добрѣмъ покаянїи, другому же злодѣю внезапную и горькую смерть предрече. И вышереченному Ки-

риллу хотящую быти скорбь, біеніе и узы и отъ мѣста избѣжаніе предглагола, яже вся по времени сбышася. Таже къ Москвѣ шедъ, и великимъ страдальцемъ Аввакуму, Лазарю, и Теодору прилѣпився и съ ними добрый путь страданія текій. Колико узъ и темницъ; колико томленій и біеній; колико страстей и бѣдъ претерпѣ; къ симъ и въ земной тюрьмѣ многолѣтно томлень бысть. Еще же и двократное языка рѣзаніе за благочестіе претерпѣвъ чудеснѣ Богомъ исцѣленный паки глаголаше, конечнѣе же во 189-мъ годѣ въ самый страстей Христовыхъ день (си есть въ Великій пятокъ) въ срубѣ со предреченными страдальцы, огнесожженіемъ отъ здѣшнихъ преселенный жертва жива и одушевленна Владыцѣ и Богу принесеса. Таковъ бѣ и дивный отецъ Савватій, иже по изшествіи изъ киновіи по многимъ пустынямъ и мѣстомъ ходя, многія въ благочестія законѣхъ пребывати утверди, многія иноческому житію наказа, яко зѣло бѣше искусенъ и благопостояненъ и опасенъ въ обученіи иноческихъ. Егда бо оному въ молитвѣ Богу предстоящу, аще въ соборѣ со няѣми, аще наединѣ въ келліи случашеса что необычно, или шумъ и мятежъ яковый или говоръ необыченъ чловѣческій, никогда же блаженникъ сей обращася назадъ, или главу мало воздвизаше, или поне очима мало позрѣти хотяше, — но стояше яко столпъ непреклоненъ, яко камень недвижимъ, молитвенною цѣвницею въ небо ударяя, къ привпадающимъ нечувственъ пребываше; и не токмо самъ сія творяше, но и прочымъ озиратися весьма возбраня глаголаше, яко Богу и Царю царемъ предстоящимъ, не подобаетъ на худыя чловѣкъ случая низвлатитися, да не како Бога паче прогнѣваемъ. Тѣмъ и многія благому си обычаю ревнители показа. И во 190-мъ годѣ, къ Москвѣ шедъ, съ Никитою священникомъ, и прочими о благочестіи много подвизався, ятъ бысть, и по темничнѣмъ и прочихъ различнѣхъ болѣзньхъ злостраданіи и озлобленіи, главоусѣченіемъ мученія конецъ житія совершивъ къ небесному Владыцѣ взыде.

Предъявленный Игнатій соловецкій діаконъ и еклісіархъ бывшій киновіи, яже видѣніемъ мудрости и разума собраніемъ толико украшенъ, толико удобренъ бѣше, яко и отъ новолюбителей нѣкто упражняся въ сихъ о немъ изглагола: „Игнатій соловецкій сосудъ полный мудрости и нагнетенъ есть“. Сей блаженный по изшествіи отъ Соловецкія киновіи, многіи пустыни, страны и грады обходя, древлецерковнаго благочестія слово оутверждая и къ добродѣтельному житію люборачительныя души вознаграждая. Сей Обонежскія и Каргопольскія предѣлы во отеческаго православія ут-

верди законѣхъ, и не проходимыя Выгорѣцкія пустыни и дебри и блата благочестивыми насади жителями, и чиномъ и уставомъ общезительства преподобныхъ отецъ соловецкихъ удобривъ, украси оныя дебри. Бѣше бо мужъ житія воздержнаго и безстрастнаго, еще же и прозорливаго дара исполненъ, многимъ хотящая быти провидѣвъ предглагола: овымъ въ бѣды и напасти впаданія, овымъ въ наказанія за согрѣшенія объяви, многіи любовію къ нему приближающіяся отсылаше отъ себѣ преступники быти предъявля овыя ниже, или худо присвоющіяся ему призываше и учаше, послѣднее житія тѣмъ управительное сказуя. Сей единъ отъ Соловецкія киновіи изыде, и со многими ко Господу взыде. Въ Палеостровскомъ монастыри со двѣма тысящема и седми стами собравшихся, за древлее отецъ благочестіе, отъ присланныхъ воиновъ сожженъ въ мирныя покоища преиде. Германъ смиренномудрый и крѣпкій, иже страданіемъ за благочестіе удобрившійся. Прежде въ Сумстѣмъ острожѣ темничныя узношенія цѣлое лѣто обхождение съ блаженнымъ отцемъ Пименомъ претерпѣвъ освобожденъ бысть. Таже въ Новѣ-градѣ темничнымъ озлобленіемъ томлень и милостію Божіею на спасеніе многихъ чуднѣ избавленъ. Таже со многими собравшимися яко съ тысящею и пятьми стами въ вышереченнѣмъ монастырѣ отъ воиновъ пріѣхавшихъ огнепаленіемъ отъ здѣшнихъ въ будущая преселивыися добрѣ.

Іосифъ глаголемый сухой, иже довольна лѣта въ обители Соловецкѣй жившій. Сей въ Сумстѣмъ острожѣ съ достоставнымъ отцемъ Пименомъ въ темницѣ лѣто цѣлое за древнее благочестіе сѣдѣвъ освобожденъ бысть. Таже въ Каргопольскихъ предѣлѣхъ пустыннымъ житіемъ удобрившійся, и приходящія къ нему древлецерковныя законы и добродѣтельнымъ житіемъ научивъ, украси и въ пустынѣ Дорстѣй во время гоненія, собрався со множествомъ рода на скончаніе, коварствомъ воиновъ живъ ухваченъ, и во градъ Каргополь свезенъ. Многая томленія и скорби, узы, темницы и раны за непристатіе къ новинамъ претерпѣ, и отъ всѣхъ сихъ благодатію Божіею избавленъ бысть. Послѣжде въ Обонежскихъ пустыняхъ странствова. Таже въ лѣто 7200 въ Пудожетѣй волости со множествомъ народа собрався отъ наѣзда воинскаго, самъ убо отъ воиновъ, обличающъ новины ихъ, пулею устрѣленъ, отъ настоящія къ будущей жизни изрядно преселися. Прочіи же огнемъ скончашася числомъ суще яко тысяща двѣстѣ душъ.

Евѣимій дивный, его же яко зачатіе и рожденіе чудно, тако и житіе свято и преподобно. Сей 12-ти лѣтъ постригся и довольно

во инѣхъ монастырѣхъ обучився, таже въ Соловецкѣй киновіи многа лѣта богоугоднымъ житіемъ препроводи и во время обстоянія со инѣми отцы на брегъ моря изшедъ. Первѣе въ Поморіи пустыню житіемъ испытавъ, таже во Олонецкѣмъ уѣздѣ на островѣ Виданскія волости (по откровенію Божию яко самъ повѣда) осмолѣтное время препроводи жестокимъ и вышеестественнымъ живымъ житіемъ. Млека бо, и сыра, и рыбы никогда же вкушаше, но единымъ сухоядѣніемъ довлѣяше. Одежды теплыя никогда же стяжа. Но во единой рясѣ, тако зимою въ лютыя мразы, яко лѣтомъ въ жарчайшія знои пребываше, никакоже тоя измѣня. Тѣмъ и благодать отъ Бога провидѣти предбудущая примъ: о наводненіи рѣки и о нанесеніи льда великаго на Виданскую волость предрече, еже по тріехъ недѣляхъ толикое наводненіе и толикое леда нанесеніе бысть, еже ниже прежде слышася, ниже послѣжде когда содѣяся. Многимъ же напредъ хотящая быти предрече. И дважды по оклеветанію нѣкихъ, отъ закащиковъ въ принужденіе пріятія новинъ пойманъ и вязаніемъ, и руганіемъ, и темницами томленъ не покорися, паки свободашася; и таковымъ добродѣтельнымъ, пребывъ время довольно преставися ко Господу. По осмолѣтіи же преставленія его, гробоконатели, по случаю, гробъ его окопавше, честное тѣло его и ризы, въ нихъ же положилися, и гробъ, вся цѣла и нетлѣнна яко нова обрѣтоша.

Преподобніи и знаменосніи отцы, дивніи пустынножителіе, Павелъ священноинокъ, Серапіонъ діаконъ, и Логинъ слуга, иже многа лѣта безмолвнымъ житіемъ во отоцѣ морстѣмъ, Господеву работавше. Сіи бяху жителіе киновіи Соловецкія, и во время гонительнаго смятенія отлучившася обители, пріѣхавше на островъ глаголемый Великій, иже близъ Ковдскія волости и ту пребывша блаженніи время немало, ангельскимъ живуще житіемъ яко 30 лѣтъ Господеву работаша, ни единого челоуѣковъ видяще. И еже чуднѣе, яко звѣробійцемъ и рыболовцемъ, и прочымъ челоуѣкомъ на островъ той потребъ ради присно пріѣзжавшимъ, блаженніи боготрудницы ниже вѣдоми, ниже познаваеми бываху. Въ толика убо лѣта, откуда пищу, откуда одежду тѣлеси, отъ коихъ житницъ, отъ коихъ сокровищъ пріобрѣтаху? отъ челоуѣкъ се утаися, яко выше естества и постиженія, единому пречудному Богу, чуднѣ своя рабы, яко ходящу питающу и одѣвающу. Егда же благоволи Богъ въ послѣднія роды, мужіи совершенни явити, рыболовцы волости оной ловяще во островѣ, изшедше въ пустыню, обрѣтоша келлію, и въ келліи живуцъ великаго отца Павла. Прочимъ уже ко Господу

отшедшимъ, съ ними же довольно бесѣдовавше, вся о немъ и о спостнику его увѣдаша, и пици у него вкусивше, и благословеніе примше отъидоша; и пріѣхавше въ волость возвѣстиша боголюбомъ, иже еликимъ желаніемъ раченія, толикимъ и подвигомъ тщанія потрудившася, потребныхъ ладійцу наполнивше на островъ пріѣхаша, и много время искавше хождяху, но ничтоже обрѣтоша, ниже келліи, ниже самого отца; и не токмо тогда, но и послѣжде многаци ходяще и ищуще ничтоже обрѣсти возмогоша. По лѣтѣ же единомъ, видѣша нѣціи отъ жителей во островѣ ономъ столпъ огненъ отъ земли до небеси сіяющъ; и видѣвше разумѣша, яко пустынный отецъ ко Господу отъиде, виду столпа онаго преставленіе прознаменавшу.

Геннадій глаголемый Качаловъ, иже отъ соборныхъ братій киновіи единъ сый. Сей многія грады и пустыни обшедъ, и въ Нижнѣмъ Новѣ-градѣ пойманъ, нужду узъ и темницъ и ранъ терпя, ангельскимъ явленіемъ чуднѣ свободенъ бысть. Таже на Тихвинѣ 12 лѣтъ въ пустыни поживъ, образъ спасенія и древлецерковнаго благочестія многимъ показа. Послѣжде во Олонецкомъ уѣздѣ въ Выговстѣй пустыни довольно лѣта поживе, многія благочестія научи, многи же и къ добродѣтельнымъ стезямъ спасенія настави. Умиленіе же толико стяжа, яко никоего же пѣнія безъ слезъ препровождаше: аще утреню, аще часы, аще вечерню и павечерницу, толико слезяше, яко многожды въ забытіе приходаше отъ многого хлипанія. Сицевымъ богоугоднымъ житіемъ, таковыми преподобными дѣлы труждався въ пустыни оной преставися, не возлегъ на одрѣ, ниже простерся, но сѣдя и молитвенное правило Богу возсылая, душу Богу предаде.

Прочіи же отецъ соловецкихъ, ови во время разоренія, по странамъ російскимъ во оземствія, ови же прежде изшедше, странствованіемъ благочестивнѣмъ разсѣяшася, и идѣже аще во градѣхъ и весѣхъ, аще въ пустыняхъ, скитѣхъ и отхожденіи, житіе стяжавше, добродѣтельными исправленьми, мнози древлеблагочестныхъ церковныхъ законовъ превратиша, многи на спасительное житіе наставивше. Отъ здѣшнихъ преселишася, и не во градѣхъ російскія державы, ниже въ пустыняхъ токмо, но и въ самомъ Соловецкомъ отоцѣ, мнози пустынніи отцы и велиціи подвижники, якоже до взятія киновіи быша, тако и во время взятія невреденъ за невѣдомое останахся, высочайшимъ добродѣтелей житіемъ текуще, и молитвенныя оуміамы, на небесный присно возносяще жертвенникъ. Нѣкимъ же и отъ киновожителей и по разореніи (подобіемъ

вышереченною отцу Павла и Серапіона) являхуся. Елицы болѣзненное о древлеблагочестіи втай содержаще быша. Аще нынѣ въ живыхъ нѣціи отъ нихъ неизреченнымъ промысломъ Божиимъ храними обрѣтаются, аще отъ земныхъ къ небеснымъ селеніемъ вси преселишася отъ чловѣкъ вѣдѣнія вся сокрыся. Единого едины всепрозрительному знанію, и храненію подлежащее оставшася. И о оставшихъ убо и оземствованныхъ отцѣхъ толико, елико отъ соживущихъ имъ слышавше (не вся но) отъ части знаменитыхъ, слова долготы убѣгающе написахомъ. Аще бо по единому хотимъ изчисляти, доброплодное сѣмя преподобною Зосимы и Савватія чудотворцу, сѣмя святое и благорасленное, сѣмя спасенія душъ многобзовательное, сѣмя воистину, сѣмя небснаго царствія, лѣто хочетъ повѣствующа постигнути. Яко песокъ морской или звѣзды небсныя, тако ученицы соловецкихъ чудотворцевъ изъ киновиі изшедша умножишася и умножиша: елико во градѣхъ и въ селѣхъ, елико въ пустыняхъ и не населеніихъ поселиша благочестія населеніемъ, благодати Божія, молитвами преподобныхъ чудотворцевъ, и страдавшихъ отецъ, въ дѣло сложенія помогающей. Таковъ убо преподобныхъ отецъ киновиі, всеблагоуханнѣйшій и многоплодовый виноградъ, таковъ преблагокраснѣйшій садъ, яко ко умныхъ очесъ сладозрѣнію, преудивительныя испущающъ вони. Тако къ душъ словесныхъ насыщенію, вселадчайшія добродѣтелей плоды прозябающъ споказася. Такови Зосимы и Савватія богоблаженія чада и ученицы елицы по нихъ абіе, елицы въ средовременствѣ, елицы предъ самѣмъ взятіемъ пожиша, иже яко сынове родительское наслѣдіе, яко ученицы учителей хитрость и художество отокъ воспріяша, тако и дѣлы отеческій добродѣтели образъ цѣль и всекрасенъ изобразиша. Такови благоискусныхъ спасенія началоподвижниковъ, духовніи воини, иже во время искушенія явишася крѣпцы и неподвижни, тако о благочестіи богодухновенною ревностію уяснившася возблисташа, сицевыя труды и поты и мужественныя боренія. Сицевая удивительная многолѣтно стоянія и крѣпчайшая терпѣнія показаша, сицевая многоболѣзненная страданія, и жесточайшія смерти всеусердно претерпѣша. Коликими храбростей своихъ побѣдительными просвѣтишася подвиги, коликими мужественныхъ страданій пресвѣтлыми украсившася увязошася вѣнцы. Таковиі оставшии страдалѣческихъ натриженій останцы, стратотерпческаго гумна паздеріе, яко отъ сѣменъ позное, или отъ углія искра въ пепелѣ загребена, толико угобзовавшии, толико оздувшии, и обгрѣвшии, и просвѣтившии благочестіемъ и добро-

дѣтельными чловѣческая сердца, и вкупѣ собрательнѣ реши таково киновиі Соловецкія начало и жительства теченіе, и многоплачевное наконецъ разореніе яко слышасте и видѣсте, яко повѣдано бысть къ вамъ.

Тѣмже о всеусердніи любослышателіе, таковая и толикая радостная и плачевная слышавше, горькая и сладостная вкусивше, объюхавше, огорчившеся и насладившеся, сугубыми стезями рыданья и веселія шествовати долженствуемъ.

Возсѣтуемъ убо и возплачемъ молю, киновиі богоспасительныя, многотомительнаго разоренія и безмилосерднаго погубленія, яко всепрекрасное спасенія прибѣжище, претихое отъ злодыхательныхъ грѣхообуреваній отишіе, вселадчайшее чловѣчскія жизни кораблеплаваній невлаемое пристанище, испровергаемо разорися. Воздыхаемъ, яко христіанскаго душепитанія многобзовательная пажить иноческаго благообученія, благоискуснѣйшая овчарня церковнаго законохраненія, всекрѣпчайшая ограда обурившися, низложися! Востанемъ крѣпцѣ, яко толь пресвѣтлая чловѣческаго мракохожденія свѣща, всесіяющій грѣховнаго ношеборенія свѣтильникъ, многозарное многострастныя тмы свѣтило, подъ спудъ разоренія подложившися, угасе! Плачемъ, плачемъ, яко таковиі преподобніи отцы, толь многоискусніи чловѣческаго спасенія обучители, толь непрелестніи небснаго путѣхожденія предводители, безчловѣчныхъ томленій смертми отъ насъ отлучени, не являютя!

Возрадуемъ и возвеселимся, яко въ послѣдняя сія и горькоплачевная времена, дивный отецъ преподобныхъ соборъ, всекрасный страдалцевъ полкъ, всеизрядное мученикъ воинство возсіявши, возблиста. Ими же, и отъ нихъ, и наши мрачныя зѣницы свѣтомъ древлецерковнаго благочестія осіяваемаи, просвѣтишася. И веселящеся благодаримъ Господа Бога несказаннаго въ милосердіи и несуднаго. Благодаримъ таковыя своя угодники, истины свѣтильники, всесвѣтлыя спасенія столпы, преподобныя чудотворцы намъ показавшаго. Прославимъ преподобныя наша теплыя молитвенники Зосиму, глаголю, и Савватія, прославимъ, и свѣтомъ древлеблагочестія и зарю церковозаконія, и лучею отцепреданій, и утромъ киновиі-благочинія, и днемъ добродѣтелножитія преясно ны просвѣтившія.

Похвалимъ и крѣпкія церковныя адаманты, блаженныя стратотерпцы похвалимъ, иже стратотерпческія подвиги стратотерпческимъ мужествомъ, въ стратотерпчестѣмъ страданіи, предивнѣ понесшія, и стратотерпческую многотомленія смерть за истину всежелательно избравшія. Иже своимъ несказаннымъ усердіемъ,

не слышаннымъ великодушія терпѣніемъ, неповѣстною о Христѣ храбростію, врага супостата діавола своея крове теченіемъ удавиша, и древлецерковнаго православія свѣтъ, яко на свѣщницѣ любоврителемъ пресвѣтло показаша. Веледушію онѣхъ удивимся, преславнѣй храбрости возчудимся, многострадальнымъ бореніемъ возговѣимъ, многоревностное о правдѣ скончаніе ублажимъ. И коль удивленій изобразованія, коль хваленій цвѣтособранія соплетающе вѣнцы, — толь и вселадчайшія благосердія, толь прекраснѣйшія благотворенія принесше цвѣты, всесвященныя главы страдавшихъ увязше, вѣнчаемъ.

Возжелаемъ оныхъ теплое ревности, непоколебимое благочестія, не низложимое терпѣнія, твердое и непревратное о правдѣ страданія даже до смерти. Возлюбимъ сихъ дѣянія, молитвъ присныя епміамы, умиленія рѣки, воздержанія бразду, смиренія сребро, цѣломудрія здравость, терпѣнія твердость, розсужденія свѣтлость, упованія высокое, любве превосходящее, и прочихъ добродѣтелей всеизрядное богатствъ сокровище. Подражаемъ міроотверженія очищенное, иночества благообученное, общежительство благолѣпное, благочинія боголюбезное изрядство.

Накопецъ и вѣры и житія и благоговѣнства онѣхъ, всеусердніи ревнители будемъ; и елико возлюбленная ими и содержаная подражати возусердствуемъ, толико и возненавидѣнная и отриновенная ими отъ душъ нашихъ оттрясти попецѣмся; и яко добродѣтелей оныхъ всекраснѣйшій видъ въ душахъ нашихъ изобразующе живописати потщимся, тако и божественную ревность великохрабрства и долготерпѣнія бланоначертати въ сердцахъ подвигнемся. И яже сіи стратотерпцы, и сихъ отцы, паче же святія чудотворцы возлажеша, взяша, понесоша и сокровиществова. Сія и мы лобызаемъ и всежелательно объемше, въ сердечіи сокроемъ хранилищи; а яже возненавидѣша и оплеваша, отвергоша и прогнаша отъ себѣ, сія и мы возненавидѣвше, и отъ душъ нашихъ изметавше проженемъ. Но еуже вѣрою сіи, имже благочестіемъ, имже добродѣтельми вслѣдъ святыхъ несомнѣнно шествоваша, сими и мы всеми спасенія стезями, вслѣдъ грядуще бланоревностно и незаблужденно шествуемъ, яко да въ будущемъ преблаженнѣмъ вѣцѣ, тояжде радости вѣчныя, тояжде сладвы безконечныя, тояжде чести святымъ уготованныя сподобимся получитьи о Христѣ Царѣ и Богѣ всяческимъ, амнь.



ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА

(въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ):

Инокъ П. Васильевъ.

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ  
СТАРООБРЯДЧЕСКОЙ ЦЕРКВИ.

Съ портретомъ автора и приложеніями.

Этимъ изданіемъ мы желаемъ дать читателю въ руки всѣ необходимые документы о присоединеніи къ Старообрядческой Церкви митрополита и исповѣдника Амвросія. Ими можно отражать всевозможныя нападки на правоту Бѣлокриницкой іерархіи.

Адресовать: Н.-Новгородъ,

*В. Г. Усову.*